

A woman with two braids, wearing a black cloak over a red dress, stands with her back to the camera, looking out over a vast, rugged landscape of rolling hills and valleys. The scene is illuminated by the warm, golden light of a sunset or sunrise, with a dramatic, cloudy sky in shades of blue and orange. The overall mood is contemplative and epic.

Рада Мурашко

Везде чужая

16+

Рада Мурашко Везде чужая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58965174

SelfPub; 2020

Аннотация

Желая помочь случайно повстречавшемуся старику, Соня и подумать не могла, что это резко изменит её жизнь. Однако с того момента с ней начинают происходить необъяснимые вещи. И вот уже ничего не понимающая девушка оказывается в незнакомом чужом мире, который явно настроен к ней не слишком дружелюбно. Остаётся только смириться с судьбой и ждать неминуемой гибели... Или поступить в местную школу магии и попытаться найти друзей. Выбор очевиден, вот только последствия могут оказаться весьма непредсказуемыми.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1

Страх был похож на дерево. Или нет – на росток бамбука. Когда-то Соня читала об ужасной казни, для которой использовали это растение, и сейчас бесполезные сведения охотно всплыли в памяти. Впрочем, сравнение было подходящим. Ужас прорастал в ней, пускал корни, грозя уничтожить если не тело, то разум уж точно; он подчинял её своей воле, не позволял хоть ненадолго остановиться и попытаться понять происходящее.

Соня давно уже перестала различать, куда бежит. Вымощенная плиткой дорожка городского сквера исчезла – кажется, она сама свернула с неё, стремясь оказаться подальше от людных мест, – и теперь девушка петляла среди густого кустарника. Она не оглядывалась, зная, что увидит за собой лишь чернеющий след пожара.

Соне казалось, что она сошла с ума. А может, она об этом мечтала? Наверное, это было бы лучше, чем осознание того, что с ней происходит нечто жуткое, необъяснимое и невозможное.

Кажется, всё началось со старика. Того самого, к которому она несколько дней назад зачем-то подошла, решив, будто он нуждается в помощи. Она тогда выгуливала собаку и на одной из парковых скамеек заметила его. Старик казался совершенно потерянным и слабым, и Соня подумала, вдруг

он один из тех, кто, выйдя из дома, потом не может вспомнить свой адрес.

Не обращая внимания на недовольство собаки, она подошла к незнакомцу и нерешительно тронула его за плечо, привлекая внимание.

– Простите, вам помочь? Может, вас куда-нибудь проводить?

Старик поднял на неё глаза, и Соня тут же почувствовала себя неловко – во взгляде не было ни тени растерянности или страдания. Она уже хотела извиниться за то, что нарушила чужой отдых, и продолжить прогулку, но незнакомец вдруг просипел:

– Помоги, деточка.

Дребезжащий старческий голос составлял удивительный контраст с совершенно ясным пронизательным взглядом, и Соня замерла в недоумении, всё больше сомневаясь в том, что собеседнику действительно нужна помощь. Впрочем, теперь отказываться от своих слов было бы невежливо, и девушка, незаметно подавив вздох, продолжила разговор:

– Вы неважно себя чувствуете?

– Дай мне руку, – пробормотал старик.

Подумав, что он хочет подняться и просит помощи, Соня с готовностью протянула ладонь и тут же ощутила лёгкий укол. Она вздрогнула и невольно попыталась выдернуть руку, но старик с неожиданной силой потянул её на себя, заставив потерять равновесие. На мгновение их лица оказались

совсем близко, и у Сони промелькнула нелепая мысль, что старик собирается её поцеловать. Однако едва их дыхание смешалось, как незнакомец тут же разжал кисть, позволяя девушке выпрямиться.

Соня хотела было возмутиться и потребовать объяснений, но слова так и не успели сорваться с языка – старик вдруг как-то неестественно наклонился на бок, а потом резко опрокинулся навзничь, устремляя вверх уже ничего не выражающий, остекленевший взгляд.

– Эй... – неуверенно позвала Соня. – Эй, вы чего? Вам плохо?

Старик не отзывался, и она, напрасно поозиравшись в поисках помощи, уже сама склонилась над ним, пробуя нащупать пульс. Через несколько минут стало понятно, что странный незнакомец мёртв...

Соня постаралась выбросить неприятный случай из головы, но тем же вечером с ней начало происходить что-то непонятное. Сначала зачесалась рука. В первые минуты девушка не придавала этому значения, но зуд всё усиливался, и скоро кожа на запястье начала на глазах грубеть и трескаться. Тогда Соня вспомнила, что старик, кажется, чем-то уколол её, и впервые испугалась, сразу вспомнив с десяток пренеприятнейших заболеваний, которые можно легко подцепить через кровь.

Однако на этом её тревоги не закончились. Когда на следующее утро она из-за какой-то ерунды поругалась с сосед-

кой, которая всегда, стоило им случайно столкнуться в подъезде, пыталась затеять ссору, и сгоряча пожелала той онеметь, женщина вдруг в самом деле замолкла, в ужасе хватая ртом воздух и напрасно пытаясь выдать хоть слово.

Это было странно и пугающе, но тогда Соня ещё списала произошедшее на неуравновешенность соседки и попыталась подавить неприятный осадок.

Впрочем, долго успокаивать себя не получилось. Она отвечала на семинаре, когда лежащий рядом учебник неожиданно начал перелистываться сам собой, открываясь на нужной ей странице. Соня поспешно захлопнула книгу. Она бы объяснила всё разгулявшимся сквозняком, несмотря на то, что все окна были плотно закрыты, но учебник продолжал ощутимо подрагивать, даже находясь в её руках.

К счастью, никто не обратил на случившееся внимания, но скоро её ошарашила ещё одна новость.

– Ой, ты покрасилась? – невзначай поинтересовалась однокурсница, когда они вместе стояли в очереди в столовой, и, не дожидаясь ответа, продолжила болтать: – Тебе идёт! Намного свежее выглядишь, даже как-то загадочно...

Соня скосила глаза на собственные волосы и едва удержалась от испуганно-изумлённого вскрика – ещё утром тёмно-русые локоны вдруг обрели заметный рыжеватый оттенок.

Пробормотав бессвязные извинения и не слушая, что кричит ей вслед удивлённая приятельница, девушка выскочила

на улицу. Она сама не знала, от чего пытается сбежать, но отчаянно хотела оказаться подальше от всех знакомых, да и от людей вообще.

Правое запястье продолжало зудеть, и поначалу неясные, хаотичные морщины, за один день испещрившие загрубевшую кожу, начали складываться в некий ещё не вполне различимый, но уже не бессмысленный узор.

Необходимо было срочно понять, что происходит. Сошла ли она с ума и все замечаемые странности – лишь плод её воображения? Или старик успел ей что-то вколоть, а она не поняла? И тогда это какой-то невообразимый эксперимент? Что-то вроде опыта по расширению человеческих возможностей?

Честно говоря, мысль о безумии казалась более вероятной. И Соня даже почти сумела убедить себя, что в этом нет ничего непоправимого – главное, скрывать ото всех свои видения, не дать заметить, что с ней творится что-то необъяснимое, и тогда она сможет жить, как прежде...

Но сейчас она забыла о любых хоть сколько-нибудь успокаивающих догадках. Слишком явным, слишком живым был шлейфом тянувшийся за ней огонь, а в ушах ещё стояли вопли тех бедолаг, которые только что необдуманно собирались сделать её своей жертвой. Кажется, они хотели только её ограбить и, если бы она сразу отдала многочисленные ценности, имеющиеся при себе, то смогла бы уйти без дальнейших препятствий, но Соня была слишком перепугана, чтобы

это проверять.

Она сразу бросилась бежать, надеясь, что успеет достичь людного места раньше, чем её настигнут. Топот преследователей слышался всё ближе, и Соня неожиданно для себя подумала, что сейчас они переломают ноги. Это не было желанием или надеждой – просто возникшей из ниоткуда уверенностью. И уже через мгновение позади раздался двойной вопль и преследование прекратилось.

Девушка остановилась, переводя дух, и только тогда заметила, что трава по краям аллеи тлеет, медленно чернея. Не желая верить собственным глазам, Соня протянула руку, касаясь веточки шиповника, растущего у самой дорожки – та тут же вспыхнула.

Уже не глядя, как пламя уверенно распространяется, перескакивая с ветки на ветку, она снова бросилась бежать – теперь уже наоборот подальше от возможных людей, с ужасом думая о том, что ещё она может натворить.

Волосы, после происшествия в университете вернувшие было прежний цвет, теперь снова порыжели, стали почти огненными, словно тоже были частью пожара.

Больше невозможно было себя утешать, отказываться верить в очевидное и сомневаться в том, что она как-то связана с царящим вокруг хаосом. С нарастающей паникой Соня осознала, что не имеет ни малейшего понятия, как прекратить это безумие. Казалось, чем больше она желала, чтобы пожар утих и в опустошённом сквере воцарился порядок,

тем сильнее неистовствовали кружащиеся вокруг неё искры.

Соня в отчаянии подумала, что если подобное продолжится, пожалуй, она может опустошить весь город. Даже если сейчас случится чудо и этот кошмар наконец закончится так же необъяснимо, как и начался, неизвестно, что ещё может произойти!

Домой ей возвращаться нельзя. Она может принести беды и туда, станет постоянной опасностью для собственной семьи!

Соня всхлипнула, отчаянно мечтая хоть провалиться сквозь землю, лишь бы остановить творящийся ужас. И словно задуманное желало и впрямь осуществиться, она вдруг споткнулась, зацепившись ногой за торчащий из земли корень, и, не сумев удержать равновесие, покатилась с небольшого пригорка...

Падение не заканчивалось. Сначала Соня бездумно подчинялась заданному движению, даже не пытаясь замедлить скольжение вниз. Однако деревья продолжали мелькать с невероятной скоростью, слишком быстрой для падения с довольно пологого склона.

Она успела удивиться и подумать, что в этом затянувшемся полёте тоже есть что-то неестественное, невозможное, но попытка хоть немного притормозить не увенчалась успехом. Перед глазами мелькали ветки, корни, усыпанная иглицей земля и какие-то цветы. Соня невольно зажмурилась, чувствуя, как её начинает подташнивать от этого бесконечного

мельтешения.

Наконец девушка почувствовала, что лежит на земле. Поразившись, как она умудрилась не сломать себе шею, Соня осторожно приоткрыла глаза, больше всего опасаясь увидеть, что вокруг по-прежнему продолжает бушевать огонь. Однако открывшийся перед ней пейзаж выглядел совершенно мирным. Вот только...

Соня судорожно огляделась, надеясь зацепиться взглядом за что-нибудь привычное. Всё вокруг казалось абсолютно чужим. Правда, теперь она поняла, почему падение показалось таким длинным – совсем рядом возвышалась огромная крутая гора, нисколько не похожая на едва заметные холмики, встречающиеся в знакомом ей с детства сквере.

С другой стороны плескалась вода. Девушка зачем-то попыталась вспомнить, был ли в том месте, где она плутала ещё пару минут назад, какой-нибудь прудик, хотя представшая перед её глазами гладь куда больше напоминала море или океан.

– Ч-что здесь случилось? – вслух пробормотала Соня.

Голос дрожал и грозил вот-вот перейти в бессвязные всхлипы. В голове всплывали сумбурные догадки, которые могли бы объяснить происходящее, но они вовсе не казались утешительными.

Может, она всё-таки упала неудачно и умерла? И это странное место, которого она точно никогда не видела раньше – её пристанище на ожидающую впереди вечность? Или

она находится в коме, и это – всего лишь видения? Или что-то действительно случилось с парком, и всё в нём резко возросло и приумножилось – холм превратился в гору, а пруд или лужа – в море?

Последняя мысль была откровенно нелепой, но после того, как вещи начали двигаться сами собой и от одного её присутствия вокруг разгорелось пламя, Соня была готова поверить во многое.

С трудом переборов подступающие рыдания, девушка двинулась вдоль кромки берега, надеясь, что рано или поздно выберется к людям и сможет хоть что-то понять.

Идти пришлось долго. Соня уже почти поверила в то, что этот узкий берег, гора и море бесконечны, когда вдалеке показались крыши домов. Собрав остаток сил, она прибавила шагу. Однако чем ближе девушка подходила, тем больше вопросов начинало возникать в голове.

Стоящие на побережье хижины мало того что несколько не напоминали привычные многоэтажки, они вообще не были похожи на современные дома! Соня с изумлением рассматривала соломенные крыши, неровные стены, состоящие из каких-то тонких зелёных прутиков, явно сколоченных или связанных кое-как.

Людей не было видно, и девушка остановилась в нерешительности, гадая, стоит ли постучаться в ближайшую хижину или лучше подождать, когда кто-нибудь покажется на улице. Раздумывая, она медленно побрела дальше, оглядывая уди-

вительно похожие друг на друга дворы.

Возле одного из домиков стояли плетеные столы и стулья, и девушка, решив, что это наверняка некое подобие кафе, осторожно подошла ближе. Отдёрнув заменяющую дверь занавеску, заглянула внутрь. В достаточно просторном круглом помещении действительно кипела жизнь.

Люди громко смеялись, разговаривали, ели и просто переходили от стола к столу, чтобы перекинуться со знакомыми парой слов. Тут же какая-то женщина раскатывала тесто на длинном каменном столе, а позади неё дымила печь, в которой томились горшочки с чем-то аппетитно пахнущим.

– Простите... – пробормотала Соня, подходя к ней. Девушка вдруг поняла, что совсем не знает, как начать разговор. – Простите, это, наверное, очень глупо звучит, но... Скажите, пожалуйста, где мы находимся?

Та подняла глаза, отрываясь от работы, и Соне показалось, что незнакомка взглянула на неё с не меньшим удивлением, чем то, с которым она сама смотрела вокруг.

– Я заблудилась, – пояснила Соня, боясь, что её примут за сумасшедшую и не пожелают иметь с ней дела.

Женщина что-то ответила, но она, несмотря на вполне громкий голос говорившей, не разобрала ни слова.

– Что? – растерянно переспросила девушка и вдруг осознала, что вообще не понимает ничего из доносящихся до неё разговоров.

Чувствуя, как в душе снова поднимается страх, Соня за-

озиралась в напрасной надежде уловить хоть одну знакомую фразу. Посуда на ближайшем столе внезапно задрезбезжала, без всяких причин приближаясь к краю. Кто-то с возгласом удивления заглянул в кружку, из которой только что пил, и перевернул её вверх дном, показывая приятелям, что содержимое вдруг превратилось в лёд.

Через мгновение взгляды всех собравшихся устремились на неё. Соня попятилась, замечая, что волосы опять окрасились в рыжий. Вопреки её ожиданиям, никто не торопился убежать прочь, стремясь оказаться подальше от пугающих странностей. Наоборот, её окружили, о чём-то взволнованно переговариваясь. Смысл фраз оставался для Сони непонятным, но ей показалось, что они не несут для неё ничего хорошего.

Девушка рванулась к выходу, но ловко поставленная подножка заставила её рухнуть на пол, не пробежав и нескольких шагов. Едва успев перекатиться на спину, Соня с ужасом увидела, что ей на голову вот-вот обрушится устрашающего вида дубина. Почти неосознанно она подняла руки, желая смягчить удар, и тут же их обожгло резкой болью, от которой перехватило дыхание. Понимая, что следующий удар окажется смертельным, Соня обречённо всхлипнула, больше не пытаясь защититься.

Она не сразу поняла, что пауза затянулась. Кажется, теперь почему-то её уже никто не стремился убить. Девушка осторожно приподняла голову, надеясь, что своим дви-

жением не вызовет новых враждебных действий. Оказалось, внимание собравшихся отвлёк вошедший только что мужчина. Он явно решил узнать, чем вызван переполох, и Соня с некоторым облегчением заметила, что ему отвечают с заметной почтительностью. Было похоже, что если незнакомец не одобрит намечавшуюся расправу, то она сможет уцелеть.

Соня попробовала сесть, но, неуклюже трепыхнувшись, снова упала. Боль только усилилась, охватывая, казалось, уже не только руки, а всё тело. Незнакомец что-то спросил, теперь уже обращаясь к ней, но девушка и на этот раз ничего не сумела понять.

Не дождавшись ответа, он подошёл ближе, наклонился, бесцеремонно хватая её за руку. Соня вздрогнула и постаралась отстраниться, но вдруг заметила, что боль утихла.

– Спасибо, – пробормотала она, как-то отстранённо замечая, что после всего, произошедшего с ней за последние пару часов, удивительное исцеление уже несколько не ошеломляет.

Незнакомец нахмурился, видимо, тоже её не поняв, но тут же кивнул, словно отвечая самому себе на некую догадку. Выудив что-то из кармана плаща, он протянул Соне. Девушка присмотрелась к предложенной вещице. Круглый медальон, похоже, из какого-то металла, испещрённый непонятными ей знаками и узорами, больше всего напоминал некий оберег. Ещё недавно она восприняла бы его как обычное украшение, но теперь брать в руки что-то неизвестное со-

всем не хотелось.

Она молча покачала головой, надеясь, что жест окажется понятен, раз уж поговорить не получается. Однако незнакомец, видя, что она не спешит принимать подарок, просто бросил вещицу ей на колени.

– Иначе мы не сговоримся! – тут же услышала она.

Соня изумлённо подняла глаза, радуясь, что хоть одно навязание спало.

– Что это было? Где мы находимся? Здесь испытывают какие-то психотропные вещества, да? Это место – галлюцинация? Я случайно... – затараторила она, начиная верить, что сейчас всё объяснится, она доберётся домой и забудет случившееся, как страшный сон.

– Кто ты такая? – оборвал незнакомец с искренним недоумением.

– Соня...

– Откуда ты взялась? – уточнил он вопрос. – И зачем сюда пришла?

– То есть? Я просто старалась выйти куда-нибудь... Я не знаю, как добраться до дома...

– Ты откуда-то издалека? – с возрастающим удивлением осведомился мужчина.

– Нет! То есть... Я не знаю. Я никогда не видела это место, но я не уходила далеко... Это должен быть сквер! Сквер возле моего дома, я всегда гуляю там с собакой! Я возвращалась после пар, и на меня напали, и... – Соня принялась сбивчи-

во рассказывать о недавних событиях, невольно ожидая увидеть на лицах слушателей недоверчивые усмешки или услышать едкие замечания о своём безумии.

Однако, судя по лицам окружавших её людей, те по-прежнему не понимали, о чём она говорит. Единственный собеседник всё больше мрачнел, явно недовольный её объяснениями.

– Как называется мир, в котором ты живёшь? – вдруг заинтересовался он.

– Что? – опешила Соня, ожидавшая чего угодно, только не такого вопроса. – Ну... Земля. Планета. Или... Вы что имеете в виду?

Незнакомец снова лишь кивнул, ничего не поясняя.

– И что, у вас необученные илкавы могут свободно появляться среди людей? – хмуро осведомился он.

– Кто?

– Такие, как ты. Владеющие магией.

– Что?! Я ведь вам объясняю, я...

– Так ты ещё сама ничего не поняла, – с ноткой сочувствия отметил мужчина, оценив её искреннее потрясение. – Похоже, тебе добровольно передали дар. Хотя это дико, но, видимо, в вашем мире всё не так... Здесь тебе не место! Ты представляешь опасность, да и сама можешь погибнуть в любой миг. Имей в виду, любой здесь имеет полное право убить необученного илкава, чтобы тот не натворил бед. Лучше бы тебе держаться подальше от людских глаз. Или посکو-

рее приручить свой дар.

– Я... что, останусь тут навсегда?! – с ужасом выдавила Соня.

Какой бы безумной ни казалась мысль о том, что она попала в некий неведомый мир, Соня почему-то сразу этому поверила. Наверное, за последние часы она окончательно лишилась способности в чём-нибудь сомневаться. Впрочем, подобная вероятность казалась ничуть не абсурднее других её предположений.

Незнакомец задумался. Ему очевидно не хотелось с ней возиться, но, не услышав резкого отказа, девушка всё же начала надеяться, что он окажется достаточно жалостливым, чтобы не бросить её на неизбежную смерть.

– Я ведь, кажется, даже не могу поговорить ни с кем, кроме вас, – полувопросительно добавила она, не скрывая, что готова вот-вот заплакать.

– Ладно, – неохотно протянул мужчина. – Поедешь со мной. Попробуем вернуть тебя обратно.

Глава 2

Ещё никогда передвижение не казалось Соне настолько утомительным. Она давно забыла о смущении и теперь беззастенчиво прислонялась к спутнику, пытаясь устроиться поудобнее. Впрочем, это всё равно оставалось невозможным – при каждом шаге лошади девушке казалось, что она вот-вот вылетит из седла.

– Выпрями спину, будет проще, – посоветовал мужчина, скрывая раздражение за внешней вежливостью. – Ты что, никогда не ездила верхом?

– Нет, – коротко отозвалась Соня, не чувствуя в себе сил на пространные объяснения. – Далеко ещё?

– Через четверть часа доберёмся.

– Куда вы вообще меня везёте? – решила поинтересоваться девушка, только теперь задумываясь о том, не было ли неблагоприятным отправляться неизвестно куда с первым встречным, не расспросив как следует о его планах. – Вы знаете, как я могу снова попасть домой?

– Возможно, – не слишком обнадёживающе ответил спутник. – Раз уж ты как-то сумела здесь оказаться, и судя по всему, именно благодаря своему дару, то с его же помощью должна и отправиться обратно.

Соня обеспокоенно повернула голову к собеседнику, ненадолго забывая о том, что лучше не совершать лишних

движений, если она не хочет упасть.

– До сих пор с помощью этого... этих особенностей я ещё ни разу не сделала что-то такое, чего бы мне хотелось. Только наоборот, – растерянно сообщила она.

– Это понятно, – мужчина усмехнулся, словно она сказала нечто само собой разумеющееся. – Не волнуйся, в этот раз ты ничего не будешь делать самостоятельно. Сейчас мы приедем в школу, а там посмотрим, кто сможет тебе помочь.

– В школу? – озадаченно переспросила Соня, не сразу понимая, что спутник, скорее всего, имеет в виду не совсем то, что она может представить при звуке этого слова.

– Ну да, – было похоже, что его в свою очередь немало удивило её недоумение. – Юным илкавам нужно где-то жить, да и обучаться лучше под руководством опытных наставников. У вас не так?

– У нас? – Соня нервно усмехнулась, на мгновение представив себе целый класс маленьких магов вместо обычных учеников. – У нас вообще нет ничего такого... В смысле, я раньше даже не поверила бы, что всё это... колдовство бывает на самом деле! Пока не начались эти странности, я вообще не слышала о чём-то подобном!

От волнения девушка даже забыла о неудобствах и страхе, и теперь беспокойно вертелась в седле, невольно пытаясь повернуться к собеседнику лицом. Узкая горная тропа, правый край которой переходил в крутой обрыв, уже не казалась настолько пугающей, как в первые минуты, и почти не

отвлекала внимание.

– Погодите! – Соня снова оживилась, взволнованная внезапной мыслью. – То есть здесь магия – обычное дело?!

– Пожалуй, – мужчина снисходительно улыбнулся, видимо, приняв её интерес за восхищение. – По крайней мере, она тут никого не удивляет, хотя в некоторых краях преследуется довольно сурово.

Последнюю фразу он произнёс с явным неодобрением. Соня подумала, что запрет на настолько опасное явление уж точно нельзя назвать неблагоразумным или жестоким, но предусмотрительно не стала говорить об этом вслух.

– Тогда, – вместо этого девушка вернулась к вопросу, который по-настоящему её волновал. – Раз у вас это нормально, вы сможете забрать от меня эти... особенности и передать кому-то другому? Чтобы я вернулась домой обычным человеком?

– Нет, – без малейших раздумий ответил спутник и, раньше чем она начала спорить, всё же пояснил: – Невозможно отказаться от дара и сохранить жизнь. Он такая же часть тебя, как кровь, как разум...

– Только почему-то раньше я прекрасно могла без него обходиться, – пробормотала Соня.

Она понимала, что нет никакого повода не верить тому, кто, пусть и без особой охоты, но всё же согласился ей помочь. Однако отчаянно не хотелось признавать, что преследующий её кошмар никогда не закончится.

Соня вздрогнула, вспомнив недавний ужас и бессилие, пугающую неспособность остановить начавшийся по её же вине пожар. На время девушка успела забыть об этом страхе, потрясённая свалившимися на неё новыми событиями, но сейчас пришло осознание, что возвращение домой не решит все неприятности.

Ей придётся жить в вечном страхе и, пожалуй, рано или поздно она всё же сойдёт с ума от непрекращающегося напряжения. И это в лучшем случае, а ведь может случиться и так, что она принесёт окружающим немало бед, а потом погибнет. Если её посчитают опасной преступницей, то вряд ли будут слишком заботиться о том, как бы не пристрелить при попытке задержания.

И даже если ничего подобного не случится, как она объяснит родным, что с ней происходит? Как они отнесутся к её новоприобретённым неконтролируемым способностям? Как она сама сможет оставаться рядом с ними, зная, что однажды может ненароком кого-нибудь убить?

– Тогда я хочу обучиться! – выпалила Соня, внезапно открывая для себя решение, которое сразу же стало казаться единственно верным. – Я не могу вернуться обратно, пока не научусь подавлять эту силу.

Мужчина неопределённо хмыкнул, не торопясь отвечать. Соня уже собиралась извиниться, подумав, не слишком ли требовательно прозвучала её просьба, когда он всё-таки отозвался:

– Не уверен, что кто-нибудь из наставников согласится принять тебя в свой класс. Впрочем, твоё пожелание я передам.

– Почему меня могут не принять? – обеспокоенно поинтересовалась Соня, отчаянно желая не упустить шанс наладить жизнь. – Если нужно, я могу... не знаю... выполнять взамен какую-нибудь работу...

– Только не вздумай повторить это в школе, – посоветовал спутник. – Никого, кроме соседей по комнате ты своим предложением не впечатлишь, а вот те от прислуги не откажутся. Ты ведь не хочешь работать без всякой пользы для себя?

Соне показалось, что на этот раз в его голосе прозвучало что-то похожее на зарождающееся расположение, и она вздохнула с облегчением, понадеявшись, что может рассчитывать на поддержку.

Соня хотела бы расспросить ещё о многом, но они уже въехали во двор опасно возвышающегося на самом краю обрыва неприступного замка. Соня скорее посчитала бы его военной крепостью, чем заведением, в котором кто-то может учиться, однако судя по всему, ей предстояло остаться именно здесь.

– Не отставай, – поторопил её спутник, не давая времени осмотреться.

Соня послушно пошагала следом, невольно морщась от тянущей боли в мышцах – после мучительной верховой езды

каждое движение давалось с трудом. Вопреки её ожиданиям, внутри замок вовсе не оказался мрачным. Просторные залы и коридоры были залиты светом, проникающим через многочисленные цветные витражи. Повсюду стояли кадки с цветами и миниатюрными деревцами, по стенам тянулся плющ и виноград.

Когда Соня уже окончательно запуталась в бесконечных галереях и переходах, её сопровождающий наконец остановился возле одной из дверей.

– Подожди здесь, – коротко распорядился он, пропуская Соню в комнату и тут же закрывая за ней дверь.

Девушка почти неосознанно подёргала ручку, убеждаясь, что оказалась заперта. Она тяжело вздохнула, убеждая себя не волноваться. Ей бы тоже не захотелось впустить в свой дом незнакомца и оставить без присмотра, так что в подобном обращении вряд ли было что-то странное.

Судя по обстановке, её привели в чей-то кабинет. После бушующего повсюду буйства красок царящие здесь строгие серые тона казались непривычно спокойными, даже умиротворяющими.

Соня медленно прошла вдоль стеллажей, на которых в кажущемся беспорядке теснились сотни книг, бумажных свитков и непонятных предметов, которых ей раньше не доводилось видеть. Несколько мгновений девушка боролась с любопытством, но всё же не решилась что-нибудь трогать. Отойдя к столу, она устроилась в одном из кресел, праздно

сложив руки на коленях и приготовившись терпеливо ждать.

Наконец в коридоре послышались голоса.

– ... и думаю, будет жестоко прогнать её, когда нам ничего не стоит помочь, – донёсся до неё обрывок фразы.

– Это тебе ничего не стоит, а мне с ней возиться, – беззлобно уточнил женский голос.

Дверь распахнулась, пропуская говорящих. Соня повернулась к вошедшим и невольно вздрогнула, встретившись взглядом с незнакомкой. Та посмотрела на неё мрачно, с непонятной неприязнью, почти ненавистью, словно они оказались смертельными врагами.

Напряжённо нахмурившись, женщина повернулась к собеседнику.

– Она человек! – бросила она, обвиняюще указывая на Соню. В голосе не осталось и следа той дружеской лёгкости, с которой она разговаривала ещё минуту назад.

– Ты ведь сама видишь, что нет.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! Она была человеком!

От неприкрытого отвращения, звучащего в голосе незнакомки, Соня поёжилась, внезапно начиная ощущать себя неким отвратительным насекомым, которому не место в чистом чужом жилище.

– Кэррайна, она не убийца, – мягко проговорил мужчина, очевидно, пытаясь за неё заступиться. – Ей передали дар добровольно.

– Что? Валфрик, с каких пор ты веришь откровенным нелепостям, услышанным от первой встречной девчонки?!

Соня на мгновение смутилась, только сейчас замечая, что до этого момента даже не удосужилась узнать имя своего спасителя. Впрочем, это сразу же снова перестало казаться важным. С каждым сказанным словом она всё меньше понимала смысл разговора, который должен был решить её судьбу.

– Я пытаюсь руководствоваться здравым смыслом, – несколько не обидевшись, ответил мужчина. – Тот, кто отбирает дар насильно, не может не иметь о нём никакого понятия. А она была перепугана и ничего не соображала. Её бы убили, не окажись я на побережье. Похоже, в том мире, из которого она явилась, живут только люди. В этом случае понятно, почему её одарили. Полагаю, в месте, где дар является небывалой редкостью, он не уходит так просто, если уж однажды сумел проявиться. Скорее всего, он до последнего не отпускает своего обладателя и тот не может умереть, пока носит его в себе. Девушка сказала, что передавший ей силу был стар и выглядел усталым.

Кэррайна недовольно сжала губы, явно по-прежнему не желая иметь с неожиданной гостьей никакого дела, но не находя стоящих предлогов, чтобы выставить её вон.

– Почему бы тебе не поручить её Рандвалфу? – без особой надежды поинтересовалась она. – Его это хотя бы развлечёт.

– Она лигдара, – с непонятной запинкой произнёс Вал-

фрик. – Как и ты.

Услышав очередное не знакомое ей слово, Соня удивлённо повернулась к говорившему.

– Сразу вы называли меня как-то по-другому, – неуверенно заметила она.

Пожалуй, встречать в и без того напряжённый разговор было не слишком разумно, но у неё больше не было сил покорно ждать своей участи, ничего не понимая в происходящем.

– Дар не у всех одинаков, – опередив Валфрика, отозвалась Кэррайна, холодно оглядывая девушку. – Тебе достались самые многогранные способности из всех возможных, и научиться или управлять будет непросто.

– Да почему вы все называете это даром?! – не выдержала Соня, в очередной раз услышав уже ставшее ей ненавистным слово. – Это скорее... проклятие!

Кэррайна вдруг застыла, глядя на неё с непонятным выражением то ли злости, то ли необъяснимого отчаяния. Соня виновато опустила глаза, не понимая, что в её словах могло задеть наставницу, но почему-то чувствуя себя так, будто сказала нечто недопустимое.

– Любой дар может обернуться проклятием, и любое проклятие можно сделать даром, – ровно, словно повторяя давно заученный текст, отчеканила женщина. – Всё зависит от того, кому это достанется... Я возьму тебя в свой класс. Надеюсь, нескольких месяцев тебе хватит, чтобы обучиться

контролю, а остальное тебе не нужно.

– Спасибо, – ошарашенно пробормотала Соня, не сразу веря, что неприветливая особа всё же согласилась ответить на её просьбу.

Кэррайна устало махнула рукой, безмолвно приказывая ей выйти за дверь.

Глава 3

Отдав необходимые распоряжения, наставница вернулась к себе, радуясь возможности остаться в одиночестве. Пусть ей уже давно не нужно было всегда держать лицо и вести себя определённым, заранее предписанным образом, Кэррайна всё равно, как в далёкой юности, старалась никому не показывать своих чувств и минуты любого волнения или смятения предпочитала переживать без свидетелей.

Впрочем, в этот раз желанное уединение оказалось невозможным. Увидев, что недавний гость никуда не ушёл, а терпеливо дожидается её, не без удобства расположившись в мягком вместительном кресле, Кэррайна едва заметно нахмурилась, не сразу сумев скрыть недовольство.

– Ты ещё здесь? Скажи, ты специально притащил её ко мне? – поинтересовалась она, привычно поворачиваясь лицом к окну, чтобы собеседник не мог прочесть её эмоции.

– Специально? – казалось, мужчина искренне удивился. – Зачем?

– Вот именно – зачем? С чего вдруг тебе пришло в голову помогать какой-то бродяжке, и почему ты решил, что навязать её мне – это удачная мысль?

Валфрик вздохнул, глядя на напряжённую, неестественно прямую спину женщины. Даже не видя её лица, он знал, что на том застыло выражение упрямого недовольства, которое

всегда появлялось, едва только Кэррайне начинало казаться, будто кто-то посягает на её территорию.

– Ты думаешь, что она похожа на тебя? – понимая, что рискует вызвать скрытую вспышку гнева, уличил он.

– Разумеется, нет! – возмущённо – пожалуй, слишком возмущённо и слишком поспешно – отозвалась наставница. – Она просто беспомощная бесхарактерная дурочка.

– Кэр, – укоряюще протянул Валфрик. – Ты помнишь себя сразу после приезда в Гроэнвур?

– Помню, – сухо откликнулась Кэррайна. – Я была жалкой, слабой опальной наследницей, у которой не хватило духа поступить так, как должно.

– Ты была несчастной испуганной девочкой, которой казалось странным, что где-то её могут не обижать и не заставлять делать то, чего не хочется.

Кэррайна чуть повернула голову, лишь в последний момент спохватываясь и подавляя желание обернуться. Сейчас, когда воспоминания о давно минувшем снова предстали с мучительной явственностью, это точно оказалось бы некстати. Неподдельное сочувствие и теплота, прозвучавшие в голосе давнего друга, пробуждали глупое, недостойное желание пожалеть себя, оплакать прошлое и наконец подумать о том, должна ли была её судьба сложиться иначе.

Она не могла себе этого позволить. Кэррайна всегда помнила, что слёзы, жалобы и любые другие проявления слабости недопустимы для представительницы высочайшего рода.

Это она усвоила, наверное, ещё раньше, чем научилась ходить, и с тех пор старалась всегда вести себя безукоризненно. Это было частью её долга. Долга, который она всё равно оказалась недостойна исполнить.

За несколько десятилетий, проведённых вдали от родины, Кэррайна так и не привыкла к царящей в приютившей её стране свободе. Пожалуй, здесь она могла бы давно дать себе волю, не стараться всегда быть невозмутимой и правильной. В Гроэнвуре её бы никто не осудил. Конечно, нет, если тут даже король в дни празднеств позволял себе отплясывать вместе с простолюдинами, а будущие наследники резвились рядом с детьми привратников!

Однако для неё подобная вольность нравов несмотря ни на что оставалась недопустимой, неправильной и... отталкивающей.

– Если тебя так огорчила эта девочка, можно и в самом деле перепоручить её кому-нибудь ещё, – снова заговорил Валфрик, несколько озадаченный молчанием наставницы. За годы знакомства он привык не ожидать от Кэррайны той лёгкости и простоты, которая была свойственна жителям его родного края, но всё же не научился безошибочно угадывать, что скрывается за неизменным хладнокровием. – В конце концов, ей ведь нужно научиться лишь самой малости. С этим справиться не так уж сложно.

– И все будут говорить, что господин первый советник настолько потакает капризам вдовы своего друга, что готов

обременять других её работой?

– Кэррайна, никто не посчитает это капризами...

– Я посчитаю.

Валфрик вздохнул, задаваясь вопросом, почему разговоры с Кэррайной всегда заходят в тупик.

– Не беспокойся, – прервала молчание наставница. – Я сделаю всё, что надо. Твоя подопечная отправится домой ещё раньше, чем сама надеется.

Валфрику показалось, что её обещание не предвещает для новой ученицы ничего хорошего, но он решил не заострять на этом внимание. Можно было не сомневаться, что Кэррайна не станет выходить за рамки установленных в школе правил, а те не предполагали для учеников серьёзных неприятностей, даже если наставник окажется к кому-то слишком суров.

– Уже решено, кто из учеников будет представлен ко двору во время летнего бала? – он решил обратиться к вопросу, ради которого и направлялся сюда перед тем, как столкнуться с Соней.

– Не совсем. Мы собирались выбрать Рауфа, но он не желает поступать на королевскую службу. Пожалуй, придётся остановиться на Эйкене или Джейффе. Эйкен не так силен, но мечтает о придворной должности и точно будет верен правящему роду. Джейффа проявляет немалые способности и быстро обучается. Думаю, через несколько месяцев она уже будет уметь больше многих. Они оба верелты.

– Вот об этом я и собирался поговорить. Сейчас при дворе хватает тех, кто может следить за погодой и обеспечивать хороший урожай, а больше в мирное время верелты мало чем могут пригодиться. Управление силами природы – впечатляющий дар, но не такой уж необходимый. И король, и Совет настаивают на том, чтобы в этом году на службу прислали кого-нибудь из вейсатов или лигдаров.

Кэррайна едва заметно приподняла бровь, выражая удивление. Обычно, если при дворе хотели видеть илкава с определённым даром, об этом предупреждали по крайней мере за полгода до традиционного летнего праздника, во время которого готовящихся поступить на королевскую службу представляли ко двору. Теперь же до бала оставалось меньше месяца, и приказ правителя представлялся маловыполнимым.

– Ты сам знаешь, что и тот, и другой дар встречается нечасто. У меня на обучении сейчас всего шесть лигдаров, не считая этой девочки, которую ты привёз. Никто из них ещё даже не готов выйти за пределы школы, и не будет готов ко дню бала. У Рандвалфа в классе есть несколько вейсатов, которые перешли на вторую ступень обучения, но их тоже рано представлять ко двору. Чтобы они действительно смогли оказаться полезны, лучшему из них нужно будет проучиться хотя бы до следующей зимы.

– Неужели не найдётся никого, кто недавно закончил обучение? – нетерпеливо осведомился первый советник.

Подобные сложности были сейчас совсем некстати. И без

того хватало причин опасаться, что ближайший год окажется для страны непростым.

– Весной школу покинули двое вейсатов, – согласно кивнула Кэррайна, однако её тон не давал советнику никаких надежд. – Но один из них предпочитает уединение и не согласится поступить на службу, а другой собирался покинуть Гроэнвур, полагая, что здесь он вряд ли когда-нибудь сумеет занять достаточно высокий пост. Если бы мы узнали волю короля раньше, смогли бы задержать его, но теперь не представляю, что можно сделать.

– Нам необходим кто-то, кто может влиять на разум и настроения! – упрямо повторил Валфрик. – Иначе совсем скоро могут начаться беспорядки! Король умирает, Кэр. Во время этого бала будет объявлен наследник.

– Всё-таки Вайорика? – рассеянно поинтересовалась Кэррайна, раздумывая над открывшимися ей трудностями.

Между придворными иногда ходили разговоры о том, кто займёт престол после смерти короля. Его старшая дочь не проявляла к делам государства никакого интереса, и многие надеялись, что правитель доживёт до того времени, когда его сын станет достаточно взрослым, чтобы занять место отца. Однако сейчас становилось очевидным, что эти ожидания уже не сбудутся.

– Алверана.

– Что?! – привычное хладнокровие всё-таки покинуло наставницу, и она повернулась к давнему другу с выражением

искреннего негодования.

– Теперь ты понимаешь, сколько будет недовольных и во дворце, и за его пределами, – заметил тот. – Необходимо сделать всё возможное, чтобы эта новость была принята мирно и не повлекла за собой попытки переворота.

– Но почему Алверана? Кто это решил?!

– Вайорика собирается отречься от престола. Элуф ещё слишком мал. Больше у короля нет детей, и ему остаётся только передать власть жене.

– Чужеземке, которая станет блюсти интересы своего родного края, а не Гроэнвурра?!

– Она должна будет отказаться от короны в пользу Элуфа, как только тому исполнится двадцать...

– Через шестнадцать лет?! За это время может произойти очень многое! К тому же она воспитает его в своём духе.

– Кэр, ты ведь тоже родилась не здесь, однако с новым подданством приняла и обязательства верности, которые не собираешься нарушать, – примирительно заметил первый советник. – До сих пор королева вела себя достойно своего положения, и нет повода относиться к ней с неприязнью.

– Однако многие относятся к ней именно так, верно? Никто, кроме её соотечественников, не захочет видеть её у власти. Корона должна перейти к Вайорике! Почему король позволяет своей дочери такие вольности? Это её долг – принять правление, и она не имеет права им пренебрегать!

– Она вправе решать собственную судьбу, и если не чув-

ствует в себе сил править должным образом, то...

– То пусть бы вышла замуж за того, кто сможет ей в этом помочь, – непримиримо отрезала Кэррайна. – У принцессы есть выбор. Слишком много выбора.

Валфрик вздохнул, понимая, что спорить нет никакого смысла. Для самой Кэррайны долг всегда был превыше всего, и она не готова была прощать другим иной взгляд.

– Ты не хуже меня знаешь, что закон позволяет любому из возможных наследников отказаться от обязанностей правителя. И если принцесса захотела этим воспользоваться, никто не навяжет ей нежеланную судьбу. Преемницей станет Алверана, это уже решено. И единственное, что сейчас можно сделать для благополучия королевства – позаботиться о том, чтобы она была принята народом и приближёнными.

– Хороша королева, если для того, чтобы её признали, необходимо затуманить людям разум, – едва слышно пробормотала Кэррайна, не сумев молча справиться с охватывающим её раздражением.

– Так что мне передать его величеству?

– Скажи, что к нужному времени мы подберём того, кого можно будет принять на королевскую службу, но после бала он должен будет вернуться в школу хотя бы до середины осени. Ни одного из тех, кто сейчас здесь находится, не получится как следует подготовить за более короткий срок.

Проводив гостя, Кэррайна бесцельно прошлась из угла в угол. Если только она решится примкнуть к тем, кто зара-

нее предвидел подобное развитие событий и не желает с ним смиряться, то стоящая перед ней задача окажется ещё сложнее, чем полагает первый советник. Нужно будет не просто выбрать илкава, который поможет новой правительнице мирно принять власть. Нужно найти того, кто потом станет подчиняться вовсе не этой правительнице.

Глава 4

Соня в отчаянии остановилась посреди пустого коридора. Она решительно не представляла, куда идти. Вчера никто не объяснил ей, где что искать в этом огромном замке, а она сама была слишком ошеломлена неожиданными переменами в жизни, чтобы думать о чём-то, кроме текущего мгновения.

После того, как её проводили в комнату, которую предстояло делить с соседкой, Соня могла лишь раз за разом прокручивать в голове одни и те же мысли, которые постепенно окрашивались во всё более мрачные тона.

Ей здесь были очевидно не рады. Нет, Соня, конечно, и не рассчитывала на тёплый приём – глупо было бы надеяться, что не знакомая никому особа, свалившаяся как снег на голову, сразу вызовет массу симпатий. Однако к неприкрытой неприязни девушка тоже не была готова.

Соня могла понять недовольство наставницы, для которой она оказалась непредвиденной обузой, но враждебность, с которой её встретила новая соседка и с которой на неё поглядывали все, кого она успела повстречать, неприятно её поразила. Пожалуй, даже испугала, хоть Соня и не хотела себе в этом признаваться.

Самым неприятным было то, что она не могла даже с кем-нибудь поговорить и попытаться наладить отношения. Чужая речь оставалась совершенно непонятной, и Соне остава-

лось только удивляться, почему у неё без труда получалось объясняться с тем, кто её сюда привёз, и с наставницей. Конечно, она догадывалась, что дело в подаренном медальоне, который теперь висел у неё на шее, но почему он действует настолько избирательно, оставалось загадкой.

Ей ужасно хотелось есть и умыться. Лучше всего принять ванну, но сейчас Соня согласилась бы и просто поплескаться в какой-нибудь речке. Вчера вечером, когда соседка по комнате собралась куда-то уходить, Соня попыталась было увязаться за ней, в надежде, что девушка направляется в столовую, но та, заметив Сонины манёвры, только пробормотала в её адрес что-то явно нелицеприятное и быстро скрылась за ближайшим углом.

Утром ничего не изменилось. Только голод усилился, и ещё теперь хотелось спать – ночью ей так и не удалось задремать, и Соня отлежала, глядя в потолок и бессмысленно гадая о будущем.

Она подозревала, что занятия должны вот-вот начаться, и всё же отправилась блуждать по бесчисленным коридорам и переходам самостоятельно, надеясь, что не заблудится настолько, чтобы в случае неудачи не суметь вернуться в отведённую ей комнату.

Соня снова огляделась, не теряя надежды встретить кого-нибудь, кто не откажет в небольшой помощи. Неплохо было бы найти стенды с расписанием и планом здания, однако девушка начинала подозревать, что ничего подобного здесь

попросту нет. Даже на дверях она не заметила никаких опознавательных знаков – ни табличек, ни порядковых номеров.

Похоже, трудности новичков тут никого не волновали. Или поиск нужного класса был испытанием, которое должно было отсеять недостойных обучения. Соня усмехнулась собственным мыслям и машинально потёрла зазудевшее запястье.

Запоздало пришло воспоминание, что именно с подобно-го зуда и начинались всплески её странных способностей. И словно только этого осознания не хватало, чтобы недавний кошмар снова повторился, по стенам тут же побежала вода, которая мгновенно превращалась в лёд, сковывая и заставляя чернеть тянущийся до самого потолка плющ.

– Ох, нет! – выдохнула Соня, чувствуя, как её всё больше охватывает паника. – Нет-нет-нет... Стой! Хватит... Нельзя... Ну как это всё?..

Будто насмехаясь над ней, ледяное покрытие продолжало расти, заполняя собой все свободные поверхности.

– Что здесь творится? – холодный осуждающий голос оторвал её от напрасных попыток совладать с происходящим.

Не дожидаясь ответа, наставница бесстрашно, словно царящий вокруг хаос был для неё привычной обыденностью, подошла к девушке и ухватила её за руку. Соня вздрогнула, почувствовав, что её охватывает непреодолимое тяжёлое оцепенение. Однако порыжевшие в миг волнения волосы быстро начали обретать обычный русый оттенок, и она

послушно замерла, надеясь, что это позволит вернуть всё на свои круги.

Кэррайна едва заметно шевельнула пальцами свободной руки, будто перебирая невидимые нити, и лёд снова превратился в воду, которая мирно просочилась сквозь каменный пол, оставив в напоминание о себе лишь тёмные потёки в расщелинах и высыхающие капли на стеблях вновь позеленевших растений.

– Это возмутительно! Ещё одна подобная выходка – и ты отправишься туда, откуда явилась.

– Я нечаянно... – растерянно выдавила Соня, не сумев даже возмутиться несправедливому обвинению.

– За мной! – отчеканила наставница и, больше не оглядываясь на Соню, зашагала куда-то прочь.

Девушка поспешно двинулась следом, больше всего боясь отстать и снова заблудиться.

Учебный класс в первое мгновение напомнил Соне обычную университетскую аудиторию – длинные ряды парт, расположенные амфитеатром, преподавательская кафедра внизу. Как и в обычной жизни, учащиеся предпочли забраться на самые дальние ряды, устроившись подальше от наставницы.

Соне ненадолго показалось, будто она вернулась домой. Правда, учеников собралось слишком мало, отчего просторный класс выглядел почти пустым, но это тоже не казалось удивительным. Не желая лишний раз испытывать терпение

наставницы, Соня быстро скользнула за ближайшую парту.

– У нас не принято опаздывать, – не глядя на неё, ровно проговорила Кэррайна – так, словно просто напоминала всем действующие правила. – Запрещается самостоятельно, без контроля кого-нибудь из наставников, испытывать свои способности. Запрещается портить школьное имущество, вредить зверям и растениям. Запрещается без надобности бродить вне учебных и жилых помещений. За нарушение порядка учащийся лишается права на обучение и должен покинуть школу.

– Я нечаянно, – повторила Соня, понимая, что речь направлена в её адрес. – Я ведь здесь именно потому, что не знаю, как этим управлять...

– Все ученики находятся здесь в первую очередь по этой причине, – сухо сообщила наставница. – Однако не позволяют себе безобразничать. Держи свои чувства при себе, если не можешь справиться с их проявлением.

Соня пристыженно кивнула, мечтая спрятаться от устремлённых на неё взглядов. Конечно, её слова, судя по всему, вряд ли мог понять кто-нибудь из учеников, но отповеди наставницы было вполне достаточно, чтобы те догадались, о чём идёт речь.

Радовало только то, что из услышанного ей удалось заключить – всплески неведомой силы случаются из-за сильных эмоций. Значит, если она постарается их подавлять, всё будет в порядке.

– Что ж, пожалуй, сегодня нам придётся повторить основы. Вам всем это будет полезно, – непререкаемым тоном заметила Кэррайна, пресекая пробежавший по классу недовольный гул. – Наш дар – это огромная ответственность, которая обязывает каждого постоянно следить за собой, своими мыслями, чувствами и порывами, чтобы не принести никому случайного вреда. Перенаправить рвущуюся наружу силу сложнее, чем её подавить, и на это способен далеко не каждый илкак, находящийся на первой ступени обучения. Поэтому первое, чему вы должны научиться – это держать себя в руках. Никогда не поддаваться панике, злости и даже безудержному восторгу. Если вы научитесь делать это в сложных ситуациях, то в обычной жизни это потом не составит особого труда. Выйди сюда.

Соня не сразу поняла, что последние слова были обращены к ней. Только когда наставница нетерпеливо нахмурилась, продолжая требовательно смотреть в её сторону, девушка неохотно встала. Она уже успела настроиться на длинную лекцию, за время которой наверняка получится узнать что-то полезное, и внезапная необходимость покинуть безопасное место за партой и, видимо, принять участие в некоем практическом занятии совсем её не воодушевляла.

– Полагаю, свою задачу ты поняла, – без малейшего намёка на вопрос произнесла наставница.

Соня не успела ничего ответить. Кэррайна отошла в сторону, оставляя её одну перед аудиторией. Девушка вдруг по-

казалась себе гладиатором, выгнанным на арену. И уже через мгновение она поняла, что это вовсе не преувеличение.

Наставница коротко взмахнула рукой, произнеся вполголоса несколько фраз, которые Соня не смогла разобрать, и тут же перед ошарашенной девушкой возникло нечто огромное, похожее одновременно на медведя и гориллу. Чудовище скалилось и угрожающе размахивало лапами, недвусмысленно давая понять, что его намерения далеки от дружелюбных.

Соня испуганно попятилась от надвигающегося на неё монстра, пытаясь убедить себя, что тот никак не мог взяться из ниоткуда и наверняка является всего лишь иллюзией, которая не принесёт ей никакого вреда.

Однако вопреки утешающим догадкам в душе поднимался ужас. Соня всхлипнула, неосознанно вытягивая перед собой руки, и, когда чудовище заревело, она отчаянно пожелала от него избавиться. В тот же миг шерсть зверя вспыхнула, превращая того в живой костёр. Соня метнулась в сторону, снова чувствуя уже знакомую ей беспомощность, невозможность влиять на происходящее.

Чудовище ревело и рычало, рассыпая вокруг мириады искр, откуда-то посыпался град, больно бьющий её по голове и плечам, но нисколько не помогающий погасить пожар.

– Очень плохо, – услышала Соня равнодушный голос наставницы, и всё наконец прекратилось.

– Плохо? – бессмысленно повторила она. – А что, по-вашему, я должна была сделать?

– Не волноваться, – спокойно напомнила Кэррайна.

– Что?! Не волноваться, когда меня пытаются сожрать?!

И это серьёзно помогло бы спастись от вашего монстра?! Я защищалась!

В воздухе снова затрещали зарождающиеся из ниоткуда искры, но Соня уже не обратила на это никакого внимания.

– Он не напал на тебя, – заметила наставница, беря её за руку и легко гася ненужную вспышку силы. – Ты сама придумала опасность и натворила бы уйму бед, если бы это не был просто урок.

– Это жестоко, – потерянно пробормотала Соня, чувствуя, как минутная вспышка раздражения, вызванная пережитым страхом и последовавшим за ним несправедливым обвинением, сменяется полной опустошённостью. – Вы могли сначала хоть что-нибудь объяснить...

– Ты ведь не собираешься советовать мне, как лучше проводить уроки? – строго уточнила Кэррайна. – Можешь поверить, здесь об этом знают лучше тебя.

– Вы сделали всё это специально, – упрямо повторила Соня, стараясь не встречаться взглядом с наставницей. – Чтобы от меня избавиться.

– Ты слишком много о себе думаешь, – невозмутимо ответила та. – Если бы я решила от тебя избавиться, мне бы не понадобились обходные пути.

– Тогда почему вы не дали мне сначала посмотреть, как с подобным справляются другие? Или каждый здесь в первый

же день обучения сталкивался с подобной задачей? И зачем нужно морить меня голодом? И...

– Тебя никто не вынуждает голодать, – возразила наставница, пропуская мимо ушей остальные вопросы. – Кухня открыта для каждого.

– И где она, ваша кухня? Меня здесь никто не понимает. И никто не хочет мне помочь. Я умру в одном из ваших одинаковых коридоров раньше, чем найду что-нибудь нужное!

Кэррайна недовольно сжала губы. Невозможно было не признать, что новая ученица права.

– Хорошо, – не скрывая, что жалобы вызывают у неё только презрение и никакой жалости, произнесла наставница. – Когда у кого-нибудь из слуг будет свободное время, для тебя проведут экскурсию. А сейчас садись на место и внимательно наблюдай, как нужно справляться с заданиями.

Глава 5

Ближе к вечеру, когда Соня уже думала, что о ней забыли или наставница и вовсе не собиралась выполнять данное обещание, в дверь постучали.

Девушка неохотно оторвалась от бессмысленного созерцания потолка, полагая, что это снова кто-то из приятелей её соседки, которые то и дело зачем-то заглядывали в комнату. Однако вошедшая обратилась к ней. Соня едва не бросилась обнимать незнакомку, когда та с неожиданным дружелюбием объявила, что готова проводить её, куда она захочет.

– Можно мне что-нибудь поесть? – нетерпеливо осведомилась Соня, решив не тратить времени даже на знакомство.

За прошедший день Соня успела в отчаянии обшарить вещи соседки, воспользовавшись тем, что вернулась с занятий раньше неё. Голод надёжно заглушил и страх, и угрызения совести, однако из съедобного удалось найти только пакетик сушеных фруктов, похожих на финики.

Соня съела несколько, надеясь, что соседка не заметит пропажи. Но всё равно этого было слишком мало, чтобы считать себя пообедавшей, только теперь к её мучениям прибавилась жажда.

– Конечно. Пойдёмте за мной, госпожа, я покажу кухню. Можно выбирать что-нибудь из готового или, если захочется, приготовить что-нибудь самостоятельно.

– Думаю, сейчас мне точно подойдет что-то из того, что есть, – усмехнулась Соня, поспешно устремляясь за долгожданной помощницей. – Только я никакая не госпожа.

– Это традиционное обращение к илкавам, – с оттенком недоумения пояснила девушка.

Соня вздохнула, подумав, что в свете последних событий по отношению к ней это традиционное обращение звучит издевательски.

– Давай лучше по имени. Я Соня.

– Миэла, – вопреки Сониным опасениям девушка и не думала возражать. – Старайтесь запоминать путь. Завтра некому будет давать вам подсказки – мне нужно вечером вернуть амулет, и мы больше не сможем разговаривать.

– Амулет? Ты имеешь в виду вот такой медальон? – уточнила Соня. – Выходит, я могу понимать только тех, у кого он тоже есть?

– Да.

– И много таких? – с тоской поинтересовалась девушка, заранее предчувствуя, что ответ ей скорее всего не понравится.

– Здесь амулеты есть у каждого наставника, правда, обычно их носят только те, у кого в классе оказывается ученик, не знающий нашего языка.

Соня разочарованно кивнула, убеждаясь в своих подозрениях.

– То есть завтра я снова не смогу поговорить хоть с кем-

нибудь, кроме своей наставницы?

– Вы можете постараться выучить язык, – беспечно посоветовала Миэла, словно речь шла о простейшем деле. – Хотя бы набор основных фраз, которые вам могут понадобиться.

– Надеюсь, я смогу вернуться домой раньше, чем у меня получится справиться с этим, – без всякого энтузиазма скриivilась Соня. – Хотя насчёт нужных фраз ты права. У вас здесь есть, чем писать? И на чём?

– Конечно!

– Значит, после ужина ты переведёшь мне хотя бы пару десятков слов, я запишу, – Соня сама не заметила, как взяла командный тон, будто служанка и в самом деле должна была ей подчиняться. Впрочем, та не возражала.

Наконец они добрались до кухни. Соня подумала, что план замка тоже не помешает нарисовать – как она ни старалась считать повороты, всё равно не была уверена, что сумеет бы самостоятельно вернуться в комнату.

Просторное помещение действительно нельзя было назвать иначе, чем кухней – оно совсем не было похоже на знакомую Соне школьную или университетскую столовую, подобие которой она ожидала увидеть и здесь. Посреди кухни пылал огромный очаг, над ним на тонких золотистых цепочках покачивались несколько котлов, от которых исходил восхитительный мясной аромат.

Вдоль стен тянулись открытые полки, на которых громоздилась посуда, и ящики с припасами. Стол был всего один,

зато необъятный. За ним, наверное, с лёгкостью могли бы разместиться сразу все учащиеся и наставники, и никому не было бы тесно. Однако сейчас кухня была почти пуста, только у дальнего края стола какой-то парень сосредоточенно уплетал пирог.

– Выбирайте, что хочется, – приветливо предложила Миэла. – В котлах мясное рагу, похлёбка и ягодный компот, в зелёных ящиках – фрукты, в жёлтых – сладости.

– И что, можно выбирать вообще всё, что угодно? – недоверчиво уточнила Соня. – Сколько захочу?

– Конечно. Вы кушайте, я пока схожу за бумагой и карандашом. Скоро вернусь.

Рагу оказалось невероятно вкусным. Соня, забыв о стеснении, быстро умяла две порции, и только мысль о том, что она ещё не пробовала местных сладостей, помешала ей наложить себе третью. Немного не хватало привычных чая или кофе, но компот тоже оказался совсем не плох – не слишком сладкий, с освежающими мятными нотами.

– Спасибо! – произнесла Соня в пространство, блаженно прижмуриваясь и сожалея только о том, что сидеть приходится на жёсткой скамье, не имея возможности удобно откинуться и поджать под себя ноги.

– Показать вам ещё что-нибудь или займёмся словарём? – предложила Миэла, едва она закончила есть.

– Теперь я хочу принять душ, – мечтательно протянула Соня и, тут же опомнившись и подумав, что здесь могут и

не знать подобного изобретения, осторожно уточнила: – Или ванну... В общем, где у вас можно умыться?

– Пойдёмте.

Вопрос несколько не удивил служанку, и Соня вздохнула с облегчением, решив, что, судя по всему, ей всё же не придётся довольствоваться какой-нибудь речкой. Однако скоро радость начала казаться ей преждевременной. Миэла вывела её из замка и двинулась куда-то через внутренний двор.

«Всё-таки это будет река, – мрачно подумала Соня, не увидев поблизости больше никаких строений, только неприступные, почти отвесные скалы. – Холодная горная река. Не хватало ещё сорваться...»

Скалы были густо оплетены плющом, как и внутренние стены замка. Погружённая в невесёлые мысли Соня не сразу поняла, почему они свернули с тропинки и остановились напротив неприступной каменной глыбы.

– Заходите, – поторопила Миэла, слегка сдвигая в сторону плющ, и только тогда Соня заметила, что за густой зеленью скрывается вход в пещеру.

Точнее, это оказался просторный грот, в который откуда-то сверху, из незаметных глазу расщелин, проникали солнечные лучи. По стенам бежала вода. Она обрушивалась сверху широким потоком и, почти не задерживаясь на полу грота, убегала сквозь невидимые щели дальше вниз.

Соня восхищённо замерла, очарованная зрелищем. Ряд водопадов внутри скалы показался ей куда более прекрас-

ным волшебством, чем то, что она успела повидать раньше.

– С краю вода ледяная, – деловито пояснила Миэла, для которой в открывшейся глазам картине не было ничего удивительного. – Чем дальше вглубь грота, тем она горячее. Лучше всего выбирайте источник где-нибудь посередине. Мыло, полотенца и чистая одежда хранится вон там.

Соня проследила за жестом служанки и разглядела ещё один лаз, который вёл в небольшой тесный закуток, видимо, выполняющий роль вещевого склада.

– Здесь тоже можно выбирать, что захочется? – на всякий случай уточнила она.

Впрочем, одежда не поражала разнообразием. Соня уже успела заметить, что здесь все – и ученики, и наставники, и слуги – одеваются почти одинаково, в свободные лёгкие туники и юбки или бриджи. Только Кэррайна предпочитала длинные закрытые платья, которые оставляли открытыми только кончики пальцев.

Несмотря на простой крой, Соне местные наряды казались привлекательными благодаря ярким красочным расцветкам. Впрочем, главным было то, что они соответствовали погоде. Было бы ужасно, если бы при царящей здесь жаре ей пришлось беспокоиться из-за открытых ног или плеч.

– Да. Только нельзя ничего уносить с собой. Берите лишь то, что сейчас наденете.

Соня вытащила из цветастого вороха то, что на первый взгляд должно было подойти ей по размеру, и с нетерпением

вернулась к водопадам.

– Сюда никто не войдёт?

– Не знаю, – Миэла беспечно пожала плечами. – Уже поздно, хотя, может, кто-нибудь ещё и захочет освежиться. Но вы не волнуйтесь, источников ведь хватает.

– Но... – Соня остановилась, не решаясь раздеться полностью. – Дело не в этом... Просто так неудобно.

– Неудобно? – Миэла озадаченно нахмурилась, явно ничего не понимая. – У вас какие-то шрамы?

– Нет! Просто... Ну, там, где я живу, принято мыться в одиночестве, – наконец сформулировала Соня.

Служанка с недоумением покачала головой, несколько не разделяя её смятения.

– Вряд ли это сейчас возможно. Конечно, когда вы научитесь владеть своим даром, то сможете сами создавать для себя наполненную ванну там, где захотите, но пока придётся пользоваться тем, что есть. Но вы зря беспокоитесь, никто на вас не обратит никакого внимания.

Соня кивнула, понимая, что выбора у неё всё равно нет – не оставаться же грязной ещё неизвестно сколько времени. Торопясь и то и дело поглядывая в сторону входа, она юркнула под поток воды.

Позже, сидя во внутреннем дворе и прилежно выписывая подсказываемые Миэлой фразы, Соня почувствовала себя неожиданно уютно. Какими бы неприятными ни были свалившиеся на неё испытания, сытный ужин и душ могли при-

мирить с любой действительностью.

– Жалко, что завтра уже не поговорим, – вздохнула она. – Ты здесь первая не смотришь на меня, как на врага.

– Вы же наверняка знали, на что идёте, – ободряюще улыбнулась Миэла. – Так что справитесь.

– Откуда мне было знать? – недоумевающе нахмурилась Соня. – Я, кажется, до сих пор не до конца понимаю, что случилось и, главное, что будет дальше.

– Я имею в виду, вы ведь не могли не знать, что тот способ, которым вы обрели дар, осуждается среди рождённых илкавов.

– Да уж, мне он тоже не понравился, – обиженно пробормотала Соня, думая, что если уж кто и должен выражать недовольство по данному поводу, то только она. – Вообще гадко делать что-то подобное без спросу!

– Вот видите, – примирительно улыбнулась служанка. – Вы и сами это понимаете.

– Ну разумеется!

На мгновение Соне показалось, будто они говорят о совершенно разных вещах, настолько несоответствующими друг другу показались взаимные уверения, но задумываться об этом было некогда – приближалась ночь, а она хотела ещё хотя бы раз пройти по важным маршрутам, чтобы надёжно запомнить путь.

Глава 6

Жизнь постепенно налаживалась. Не то чтобы Соня была довольна своим положением, но теперь считала его вполне сносным.

Её по-прежнему сторонились, но если в первые дни это пробуждало тревогу и тоску, то теперь Соня привыкла к своей отверженности. Она справедливо рассудила, что равнодушные – это далеко не худшее, с чем можно было столкнуться в чужой среде, и утешала себя тем, что скоро вернётся домой и жизнь снова станет прежней.

Соня считала, что она делает немалые успехи в обучении, хотя от наставницы она по-прежнему не слышала ничего, кроме лаконичного «плохо» или «очень плохо». Временами ей казалось, что та специально старается довести её до отчаяния, многократно усложняя задания после каждого её небольшого успеха. К другим Кэррайна проявляла куда больше терпения, однако Соня не решалась заговаривать об этом и просить о снисхождении, боясь, что тогда её просто выгонят из школы.

Соне казалось, что она становится совсем бесчувственной, привыкая не бояться, не злиться, не обижаться и вообще не позволять себе никаких лишних эмоций, что бы ни случилось. То, что поначалу представлялось невозможным, постепенно стало для неё естественной реакцией.

Впрочем, не успела Соня порадоваться обрётённому равновесию, как ей пришлось осознать всю его ненадёжность. Во время очередного урока, когда класс неожиданно превратился для неё в дом, в котором она провела всё детство, Соня вдруг снова почувствовала себя маленькой девочкой.

Наставница уже не первый раз испытывала её детскими страхами, и Соня знала, что с этим ей справляться труднее всего. Можно было сколько угодно напоминать себе, что она стоит в учебном классе и через несколько минут созданный для неё мираж исчезнет без следа, но нелогичные, неоправданные ребяческие чувства вспыхивали с упрямой лёгкостью, пробуждая в ней всплеск силы.

В этот раз из колеи выбивало ещё и то, что Соне никак не удавалось предугадать, что последует дальше. Иллюзия казалась на редкость мирной. По крайней мере, Соня не припоминала ни одного страха, связанного с собственным домом.

Видение не изменялось, и она сначала с опаской, а потом всё смелее прошлась по комнатам, испытывая только лёгкую грусть от нахлынувшей ностальгии. Со стороны входной двери слышался тихий скрежет, и только тогда Соня заметила, что, кроме неё, в видении больше никого нет.

В детстве она боялась оставаться одна. Боялась, что в дом кто-то проникнет и её украдут или убьют. Для подобных тревог не было ни малейшей причины, и Соня всегда это понимала, но, стоило взрослым куда-нибудь уйти, и страх тут же одолевал её. Казалось, что кто-то бродит под окнами или ца-

рапаает замок, пытаясь его открыть.

Девушка остановилась, снова напоминая себе, что это всего лишь иллюзия, и решила на всякий случай даже не подходить к двери. В детских фантазиях таинственный злодей никогда не пробирался в дом. Она просто прислушивалась к доносившимся с улицы шорохам и боялась, а потом возвращались родители, и всё снова становилось хорошо.

Сейчас ей даже не пришлось себя успокаивать и бороться с эмоциями. Этот страх теперь казался слишком смешным и нелепым, чтобы детские волнения могли возродиться. Радуюсь, что в этот раз занятие оказалось неожиданно простым, Соня стала ждать, когда иллюзия спадёт.

Внезапно скрежет прекратился, и она услышала скрип открывающейся двери. Соня вздрогнула, застигнутая врасплох – такого не могло, не должно было быть!

– Мам? – робко выдавила девушка, прекрасно понимая, что это представление затеяно вовсе не для того, чтобы возродить для неё мирную сцену из детства, но всё равно до последнего надеясь на лучшее.

На пороге возникла человеческая фигура, полностью укрытая тёмным плащом. Соня разглядела, что в руке неизвестный сжимает нож, который, в лучших традициях незамысловатых ужастиков, уже почему-то был заляпан кровью.

«Это видение, – в который раз подумала Соня. – Ничего опасного»

Полностью избавиться от волнения всё равно не удава-

лось, но теперь, когда она понимала, замечала и контролировала собственные чувства, она ощущала и движение магической силы. Та уже не заставляла её врасплох, вырываясь неукротимой разрушающей волной.

По телу раз за разом пробежала слабая дрожь, похожая на электрический разряд, только не приносящая боли. Плечи ломило, будто сила, которую она старалась удержать, была чем-то материальным и весила немало. Но знакомый зуд больше не появлялся, сменившись едва заметным предупреждающим покалыванием.

Видение становилось всё более устрашающим – мрачная фигура неуклонно приближалась, не говоря ни слова, но совершенно недвусмысленно занося нож. Соня сосредоточилась, не позволяя эмоциям перевесить здравый смысл и ожидая, что всё вот-вот закончится, как обычно бывало.

Однако нож вдруг мелькнул возле её шеи, и только рефлекторное движение, заставившее её отклониться, помешало тому вонзиться в тело. В первый миг она всего лишь удивилась, и только потом пришёл страх. Соня впервые подумала, что понятия не имеет, случится ли с ней что-нибудь по-настоящему, если она пострадает во время видения. Теперь это казалось вполне возможным.

Конечно, она не сомневалась, что наставница может в любое мгновение прервать иллюзию, но было похоже, что сейчас та совсем не собирается этого делать. Нападавший явно намеревался её убить, и Соня начала отступать, усиленно

раздумывая, получится ли у неё сбежать или лучше попробовать отбиться.

К её изумлению, несмотря на возрастающий страх, у неё по-прежнему получалось удерживать пробуждающуюся силу. Соня ощутила мимолётную радость – наконец-то она справлялась с собой в полной мере, без всяких оговорок. Пожалуй, она всё-таки получила хорошую закалку и скоро сможет отправляться домой, не опасаясь когда-нибудь снова утратить самоконтроль... Сможет, если только сейчас не окажется с ножом в горле.

Попытки сбежать не удавались. Комната попросту не заканчивалась, растягиваясь и перемещаясь вслед за ней.

– Хватит! – крикнула Соня, призывая наставницу закончить эксперимент. – Я ведь уже справилась! Или вы хотите таким образом меня убить?!

Покальвание усилилось, и она с необъяснимой для самой себя ясностью почувствовала, что может дать магии немного воли, позволить продолжиться вне неё, и та не возьмёт над ней верх. Они – единое целое, и как раньше та управляла Соней, так и она может взять всё в свои руки.

Подчиняясь смутному наитию и воспоминаниям, которые подсказывали, что во время прежних вспышек зачастую исполнялось именно то, о чём она думала – не важно, со страхом, гневом или отчаянием, – Соня попыталась представить, как преследователь застывает, превращается в безобидный неподвижный камень и рассыпается в пыль...

Она думала, что уже ко многому привыкла и вряд ли хоть что-то ещё может её потрясти. Однако когда угрожающая фигура и впрямь замерла, утрачивая живые краски, превращаясь в холодное серое изваяние, которое тут же пошло трещинами и стало крошиться, Соня ошеломлённо отшатнулась, не желая верить в реальность происходящего.

Вопреки ожиданиям, собственные возможности всё ещё пугали. Невольно она задалась вопросом, сможет ли по своей воле остановить начатое. Стоило только об этом подумать, и мгновенно вспыхнувшая тревога уже не позволила сохранить остатки самообладания.

Угроза давно исчезла, но всё вокруг неё продолжало камнеть и рассыпаться. Соня растерянно огляделась, понимая, что всё-таки в очередной раз упустила контроль над происходящим. Зная, что теперь уже все старания будут напрасными, она всё же постаралась успокоиться, снова почувствовать движение энергии и обрести над ней власть.

Внезапно по телу прокатилась волна боли, которая быстро сменилась оцепенением. Соня глухо охнула, напрасно пытаясь избавиться от неприятных ощущений и не сразу замечая, что разрушение вокруг неё прекратилось. Впрочем, сейчас ей уже не было до этого никакого дела – кажется, с ней самой происходило что-то страшное, незнакомое и непреодолимое.

– Ну всё, достаточно, – наконец прозвучал голос, который она уже и не надеялась услышать, и Соня снова увидела знакомый класс.

Ничего вокруг больше не напоминало о том, что ещё мгновение назад казалось Соне настоящим и осязаемым. Она почувствовала лёгкое прохладное прикосновение к ладони, и онемение тут же отступило.

– Неплохо, – неожиданно произнесла наставница.

У Сони даже не хватило сил на то, чтобы обрадоваться. Она только удивлённо подняла глаза, не сразу веря, что действительно это услышала.

– Хотя и несколько оригинально, – всё так же ровно продолжила Кэррайна. – Не часто попадаются ученики, которые умудряются обратить свою силу против себя же.

– Я старалась всё остановить... – пробормотала Соня, по привычке желая оправдаться.

– Садись. Итак, вы должны понимать, что просто подавлять свой дар нужно не всегда. Каждый должен уметь верно и вовремя оценивать обстоятельства, чтобы сохранять над ними власть. Многие из вас уже успели почувствовать, что усмирить силу, когда она была выпущена на волю, куда сложнее, чем заглушить её сразу...

Соня слушала вполуха. За проведённое здесь время она привыкла к тому, что пояснений и подсказок можно дожидаться только после очередного испытания, которые всегда были непредсказуемыми. Теперь подобное больше не вызывало возмущения. Соня даже готова была признать, что это вовсе не напрасная жестокость, как ей казалось поначалу.

Конечно, если бы она всегда заранее знала, что её ожи-

даёт, то могла бы справляться куда лучше и избежать множества тяжёлых минут, но тогда пришлось бы потратить куда больше времени, прежде чем поверить, что первая же неожиданность не выбьет её из колеи и все старания не окажутся напрасными.

Соня постаралась вникнуть в слова наставницы, зная, что её лекции всегда оказываются полезными, но сосредоточиться было сложно. Случившееся сегодня поразило её. Впервые она пусть на короткий миг, но ощутила связь с собственной силой, возможность соединения способностей и воли. Это было упоительно!

Да, если отбросить страх и тяготящие мысли о том, что она оказалась готова без раздумий кого-то убить, пусть это и был всего лишь мираж – если отбросить всё это и признать себя в своих чувствах, то становилось невозможным не признать, что в этот раз проявление дара вызвало у неё не только тревогу, досаду и желание от него избавиться. Точнее, о последнем она на какой-то миг вообще забыла. И даже успела мимолётно пожалеть о том, что её обучение должно будет закончиться, едва она научится полностью владеть собой, и перейти к чему-то более интересному уже не доведётся.

Глава 7

Алесдэйр, слуга короны, личный помощник первого советника королевства, свернул на знакомую горную тропу и придержал лошадь, побуждая её перейти с бодрой рыси на неспешный шаг. Его не пугал обрыв, в опасной близости от которого пролегалла дорога, однако за недолгий путь он так и не успел обдумать предстоящий разговор с матерью и теперь хотел выиграть ещё немного времени.

Не было никаких сомнений в том, что Кэррайна захотела его увидеть не просто так. Алесдэйр знал, что мать по-своему его любит, но давно научился не ждать от неё проявлений нежности и заботы. И уж конечно не стал бы предполагать, что та может писать ему и требовать встречи просто потому, что внезапно соскучилась.

Он чувствовал, что интерес Кэррайны как-то связан с назревающими в стране переменами, но не мог понять, что матери могло понадобиться именно от него. Узнать придворные новости она могла и от первого советника, тот уж точно не стал бы ничего от неё утаивать.

Неспособность предугадать, о чём пойдёт разговор, немало тяготила. Он и без того никогда не умел противостоять своей жёсткой, до безжалостности требовательной матери, и редкие споры чаще всего заканчивались её неоспоримой победой. А в том, что в этот раз без спора не обойдётся, Але-

Алессдейр был почти уверен – слишком по-разному они смотрели на жизнь, на долг и на служение интересам королевства.

Въехав во двор замка, молодой человек спешил и уверенно вошёл внутрь, нисколько не опасаясь заблудиться. Пожалуй, это место было для него не менее родным, чем унаследованный от отца дом.

Ему было семь, когда отец умер. Вскоре Кэррайне предложили место наставницы в единственной в королевстве школе, где юных илкахвов учили управлять своим даром, и она вместе с сыном перебралась сюда. Алессдейр до сих пор не знал, нравилось ли матери занимаемое положение или она как всегда согласилась лишь потому, что посчитала это своим долгом.

В одном он был уверен – для него самого переезд оказался настоящей удачей. Кэррайна упрямо не желала знать об ином воспитании кроме того, что когда-то получила она сама, и решительно намеревалась вырастить сына достойным в её понимании представителем знатного рода.

Пока был жив отец, ему удавалось удерживать супругу от чрезмерной суровости, но те несколько месяцев, которые Алессдейр провёл с матерью наедине, он вспоминал без всякой радости. Кажется, в то время в его жизни не было ничего, кроме бесчисленных обязанностей и запретов, и всё равно Кэррайна никогда не была полностью довольна. Впрочем, теперь Алессдейр понимал, что, возможно, последнее было не совсем так – просто его мать не считала нужным выражать

одобрение вслух, полагая это излишним баловством.

В школе он быстро оказался предоставлен самому себе. Мать целыми днями была занята, и он мог беззаботно бегать по замку, играть с детьми прислуги и вообще делать всё, что заблагорассудится. Конечно, если бы Кэррайна узнала обо всех его развлечениях, то пришла бы в негодование, но он быстро научился убеждать её, будто всё свободное время просиживает в библиотеке.

Алесдэйр улыбнулся воспоминаниям, проходя по знакомым коридорам. Кабинет Кэррайны оказался заперт, и он двинулся дальше в надежде отыскать кого-нибудь из слуг.

– Эйвис! – окликнул он, вскоре заведя знакомую фигуру.

Девушка, нёсшая куда-то стопку белья, обернулась на зов и тут же обрадованно заулыбалась.

– Алес... Ваша милость! – поспешно исправилась она, вспомнив, что говорит с человеком, чьё положение несоизмеримо выше её собственного.

– Брось, – отмахнулся Алесдэйр. – Какая милость? Я помню, как мы с тобой играли здесь в прятки.

– Да, – Эйвис снова улыбнулась, охотно отбрасывая притворную почтительность. – Мне было всего три года, а ты ни разу не поддался и не сделал вид, что не можешь меня найти!

– До сих пор сокрушаешься? Хочешь, сыграем снова? – беззаботно предложил Алесдэйр. – И это станет самым досадным поражением в моей жизни.

– Нет уж, – засмеялась Эйвис. – В этот раз госпожа Кэр-

райна точно превратит меня за такое в статую! Не понимаю, почему она тогда не выгнала нас с мамой.

– Она что, знала? – опешил Алесдэйр. – Моя мать?

Девушка пожала плечами, показывая, что её это в своё время поразило ничуть не меньше.

– Оказывается, да. Я сама это поняла, только когда стала работать вместо мамы. Госпожа Кэррайна всё мне припомнила, прежде чем согласилась взять на службу.

– Ты не знаешь, где она сейчас? – поинтересовался Алесдэйр, вспомнив, для чего он вообще пытался кого-нибудь найти.

– У них какое-то собрание, – без раздумий отозвалась служанка. – Началось всего с четверть часа назад, а собрались все наставники. Наверное, закончится нескоро.

– Скажешь мне, когда она будет у себя? Я пока загляну к Джейффе.

– Хорошо, конечно.

– И попроси кого-нибудь позаботиться о лошади, – вспомнил он, когда девушка уже почти скрылась за поворотом. – Я здесь останусь на три дня.

Соня подняла голову, услышав скрип открывающейся двери, и подавила невольный вздох. К её соседке снова кто-то пожаловал. Возможно, она за проведённое здесь время

стала параноиком, но ей упорно казалось, что многочисленные гости заглядывают к ним в комнату только для того, чтобы поглазеть на чужачку и, возможно, поехидничать на её счёт, пользуясь тем, что она всё равно не может ничего понять.

Впрочем, на этот раз вошедший не был похож на ученика. Соня уже поняла, что в основном учащиеся попадают в школу лет в пятнадцать – видимо, именно тогда у рождённых илкавов начинал впервые проявляться дар. Те, кто желал научиться только контролю, могли покинуть школу уже через год. Для других существовала вторая и третья ступени обучения, где илкавы могли освоить и развить свои способности в полной мере.

Однако сегодняшний гость выглядел старше любого из учащихся. Соня невольно обратила внимание, что он вообще отличается от людей, которых она уже привыкла видеть вокруг. Почти все, кого она успела здесь повстречать, выглядели типичными южанами – смуглые, темноволосые и темноглазые. Кроме её наставницы, но та, казалось Соне, не впитывается в окружающий мир ничуть не меньше её самой.

Вошедший был довольно светлым шатеном. Тонкие – если бы речь шла о человеке из её мира, Соня сказала бы «интеллигентные» – черты лица на мгновение показались ей смутно знакомыми, но незнакомец широко улыбнулся, и не до конца оформившаяся ассоциация тут же испарилась.

Джейффа радостно взвизгнула и бросилась гостю на шею,

едва не сбив его с ног. Глядя на искренне радующуюся встрече парочку, Соня почувствовала себя лишней. Быстро собрав несколько исписанных листков и найденную в библиотеке книгу с подписанными картинками, по которой она пыталась учить язык, Соня выскользнула за дверь.

– Не слишком ладите? – поинтересовался Алесдэйр, удивлённый неприветливостью незнакомки.

– Она из людей, – произнесла Джейффа так, словно это всё объясняло.

Впрочем, это действительно было так. И в Гроэнвуре, и за его пределами никто не слышал о том, чтобы дар когда-нибудь передавали добровольно. Это всегда означало смерть для его обладателя, и потому на подобное не шли даже в тех краях, где магия находилась под строгим запретом и её носители были бы рады от неё избавиться.

Человек мог обрести дар, только заманив илкава в ловушку и отняв его силой. Естественно, подобное осуждалось, и многие не понимали, почему обладатели украденного дара не преследуются законом. Алесдэйр полагал, дело было в том, что те всё равно не могли рассчитывать на обучение и помощь, и в большинстве случаев были и так обречены на скорую гибель.

– Тогда почему её приняли в школу? – полюбопытствовал он, озадаченный кратким пояснением подруги.

– Лучше спроси у своего господина, – фыркнула Джейффа. – Это первый советник её сюда привёз!

– А, я что-то слышал, – отозвался Алесдэйр, припомнив всколыхнувшие двор споры о некоем неведомом мире, дар в котором проявляется настолько редко, что потом не отпускает своего носителя из жизни, пока тот не найдёт себе приемника.

Большинство отнеслось к этим рассказам скептически, однако некоторые всерьёз обеспокоились, что, узнав о возможности перемещения, иномирные обладатели дара поспешат покинуть враждебный для магии мир и устремятся сюда.

Алесдэйр ещё тогда подумал, что, похоже, обнаруженной советником чужеземке не дадут вернуться домой так же просто, как она попала сюда.

– Но у неё не отнятый дар, – вслух заметил он. – Неужели мама не представила её как следует? Хотя, конечно, это в её духе.

Джейффа с интересом выслушала придворные слухи, которые Алесдэйр ей с готовностью передал. Куда больше истории чужеземки её волновало собственное будущее, и девушка жадно надеялась уловить хоть что-то обнадеживающее в рассказах о гуляющих в народе настроениях и обстановке при дворе.

Ещё недавно она надеялась, что после окончания школы вернётся в столицу и, возможно, уже через несколько лет займёт место в Совете. Она знала, что считается одной из лучших учениц и имеет все шансы этим летом быть представленной ко двору. И вот из-за болезни короля и готовя-

щейся передачи власти её дар оказался совсем не тем, который сейчас нужен королевству! Джейффа всерьёз опасалась, что теперь её отправят куда-нибудь на окраину, присматривать за одним из мелких приграничных селений.

Когда через несколько часов в комнату заглянула Эйвис и сообщила, что Кэррайна освободилась и готова принять сына, увлечённый разговором Алесдэйр едва не вздрогнул от неожиданности. Он уже успел забыть, что явился сюда по воле матери, а не просто встретиться с давними друзьями.

– Она зла, как духи бездны, – тихо шепнула Эйвис, провозжая его к лестнице.

Алесдэйр хмуро кивнул, понимая, что если настроение его матери не укрылось даже от слуг, значит, она действительно далека от спокойствия.

Мысленно пообещав себе, что, о чём бы ни хотела поговорить Кэррайна, он обязательно убедит её перенести это на завтра, когда она окажется в более миролюбивом расположении духа, Алесдэйр постучал и, не дожидаясь ответа, зашёл в кабинет.

Глава 8

Впервые за долгие годы Кэррайна колебалась, оттягивая момент выбора. А ведь принимать решение нужно было немедленно. До летнего бала оставалось меньше двух недель, и времени на раздумья просто не оставалось.

Предложение Рандвалфа, которое он сегодня смело выдвинул на общем собрании, ошеломило наставницу. Она ожидала, что остальные, не подозревающие о двойной цели очередного избрания достойнейшего из учеников, ответят резким возмущением. Однако пусть и считалось, будто голоса наставников имеют равное значение, на самом же деле все давно привыкли оставлять последнее слово за обладателями наиболее сильного дара.

Кэррайне это всегда казалось закономерным и правильным. Почти единоличная власть над школой, которую приходилось делить только с наставником вейсатов, нисколько её не тяготила. Нет, радости собственной значимости не вызывала тоже, но зато позволяла убедить себя в том, что её жизнь не бесполезна.

Однако сегодня Кэррайна не возражала бы, вздумай кто-нибудь проявить волю. Но привычный порядок уже слишком укоренился, и когда Рандвалф вдруг предложил представить ко двору её новую ученицу – чужеземку, обладательницу приобретённого дара, не закончившую ещё и первой

ступени обучения, не знающую даже языка, не говоря уж о законах и местных порядках, – все лишь переглянулись с недоумением, ничем больше не показывая, что подобный выбор выглядит по меньшей мере странным.

Кэррайне оставалось только сухо отметить, что подобную мысль нужно как следует обдумать, и снова отложить принятие решения – спорить при свидетелях, не имея уверенности в том, что получится настоять на своём, она не собиралась. Только когда они остались наедине, наставница холодно осведомилась:

– Ты в своём уме? Не спору, это могло бы стать приемлемым вариантом для нас, но неужели ты думаешь, что никто в Совете не заподозрит неладное? С нашей стороны это оказался бы самый нелепый выбор из всех возможных!

– Это не просто приемлемый, это идеальный вариант, – без малейшего сомнения отозвался Рандвалф. – Девчонке дела нет до наших забот, у неё единственный интерес – вернуться домой. Она не станет задумываться о том, что именно делает, или искать другую выгоду. Немного угроз, немного обещаний – и она выполнит всё, что нам нужно.

– Как ты собираешься объяснить подобный выбор? – не желая напрасно пререкаться, напомнила Кэррайна о главной сложности.

– А что здесь объяснять? – наигранно удивился собеседник. – От нас в последний момент потребовали прислать обладателя одной из двух реже всего встречающихся способ-

ностей. Разве можно ожидать, что у нас тут уйма вариантов? Скажем, что она намеревается остаться здесь и рада неожиданной возможности устроить свою судьбу.

– Всем известно, что она объявилась совсем недавно и ещё не может уметь хоть что-то такое, что может оказаться полезным. От её дара пока нет никакого проку.

– Помнится, ты в своё время тоже осваивала новые умения куда быстрее многих из нас. Это было впечатляюще, но ни у кого не вызывало вопросов. Что нам мешает сказать, будто и Соня справляется быстрее ожидаемого? Она не просто чужеземка, а вообще явилась из другого мира, так что некоторые особенности никого не удивят. А то, что на самом деле всё не так, нам только на руку.

Несомненно, в безумной на первый взгляд идее был смысл. Пожалуй, её даже можно было назвать заманчивой. Однако следовать ей отчего-то всё равно не хотелось. Кэррайна сама не могла понять, почему – ни один из пришедших в голову доводов действительно нельзя было назвать серьёзным препятствием для предложенного плана. И всё же, подчиняясь невнятным сомнениям, она не согласилась сразу, пообещав лишь как следует всё обдумать.

Звук открывающейся двери оторвал от бесплодных размышлений, повторяющихся далеко не по первому кругу. Наставница скупо улыбнулась, отвечая на приветствие сына.

– Проходи.

– Рад тебя видеть.

– Мне нужно с тобой поговорить, – не желая тратить время на любезности, произнесла Кэррайна. – Надеюсь, не слишком отвлекла от дел? Я не задержу тебя надолго.

– У меня трёхдневный отпуск, не считая времени на дороге. Успеем обсудить всё, что ты захочешь.

– Целых три дня? Первый советник слишком щедр.

– А ты как всегда душевна, – беззлобно усмехнулся Алесдэйр, нисколько не обижаясь на внешнее равнодушие матери. – Тебе письмо. Советник просил передать.

Кэррайна протянула руку, принимая тонкий свиток. Быстро пробежав глазами по строчкам, помрачнела ещё больше – всё складывалось так, чтобы предложение Рандвалфа оказалось легко выполнимым.

От имени всего Совета и самого короля первый советник требовал не отпускать новую ученицу обратно домой до тех пор, пока не удастся лучше разузнать о её мире. Сам он не поддерживал опасений, связанных с возможностью иномирного вторжения, но считал разумным выяснить всё до конца, чтобы успокоить народ.

После официального приказа Валфрик приписывал, что сначала Соню предполагалось доставить в столицу на допрос, но потом – Кэррайна полагала, не без его содействия – было решено обойтись без пугающих мер. Совет по-прежнему настаивал на том, что девушку нужно допросить, но большинство согласилось, что сделать это можно прямо в школе, если кто-то из наставников готов взять на себя неприятную

роль.

Кэррайна уловила между строк, что Валфрик предлагает ей ограничиться безобидной приятельской беседой, которая позволит составить более-менее содержательный отчёт о мире их невольной гостыи, и не мучить ту напрасно. Он явно считал её жертвой случая и не верил, что от неё самой или от мира, из которого она явилась, может исходить опасность.

– Я напишу ответ к тому времени, как ты соберёшься обратно, – проговорила Кэррайна, оставляя без внимания вопросительный взгляд сына.

Несмотря на родственные узы, она не собиралась вести с ним праздные разговоры. Ей было известно, что сам первый советник не видит ничего зазорного в том, чтобы иногда советоваться с теми, чьё положение и звание куда ниже его собственных, и уж точно не стал бы скрывать что-то от собственного помощника – а значит, она не открыла бы сыну никаких тайн, вздумай обсудить с ним полученное послание. Но для неё он оставался лишь исполнителем, мелким служащим, обсуждать с которым важные государственные дела не только бессмысленно, но и недостойно.

Кэррайна давно смирилась с тем, что её сын никогда не займёт по-настоящему значимого места при дворе, хотя неизменно об этом сожалела. То, что Алесдэйр родился обычным человеком, стало одним из крупнейших разочарований в её жизни. Кэррайна желала, чтобы её ребёнку достался магический дар, так же сильно, как ненавидела этот

дар в себе.

Ей нежеланная, ненужная сила разрушила судьбу, не позволила исполнить долг, который был предназначен ей ещё до рождения. Но её сыну она позволила бы приблизиться к власти. Здесь, в Гроэнвуре, магический дар почитался, его обладатели занимали высокое положение и были окружены уважением.

Илкавы занимали почти все значимые государственные посты, а уж о том, чтобы попасть в Королевский Совет, не могли мечтать даже лучшие из людей. Кэррайну до сих пор удивляло то, что королевский род при этом сохраняет свою власть. В правящей семье редко рождались илкавы, и уже многие века почти всегда во главе королевства оказывался человек.

Впрочем, король в Гроэнвуре не имел большей власти, чем Совет, и если все до одного члены Совета оказывались против решения правителя, то оно не имело никакой силы. Однако подобные разногласия были настолько редким явлением, что никто не мог бы припомнить, когда в последний раз воля короля не исполнилась.

На её родине всё было совсем не так. Арвизонская империя, охватывающая все северные земли, заслуженно считалась не лучшим местом для илкавов. За любое применение дара следовала смертная казнь. Илкавов, не уличённых в использовании силы, ожидало изгнание. Конечно, последнее было лишь оговоркой, которая позволяла не считать законы

империи неоправданно жестокими.

Рождение илкава оказывалось трагедией для любой семьи. Люди, воспитанные в страхе перед неподвластным им могуществом, называли таких детей отродьями бездны и без долгих сомнений отрекались от них, выдавая представителям власти. Немногие смельчаки были готовы помочь или хотя бы просто позволить илкаву бежать туда, где дар не делал бы его в глазах людей чудовищем.

Кэррайна была старшей дочерью императора. Наследницей престола. Она, кажется, едва ли не с самого рождения знала, что должна посвятить жизнь служению империи и своему народу. Ей не было позволено иметь своих желаний, слабостей или чувств, не было позволено сомневаться или уставать. Она должна была стать воплощённым духом-хранителем своей страны, всегда знающим, как должно поступить, и поступающим именно так.

Она принимала назначенную судьбу с гордостью, не страшась трудностей и нисколько не жалея о сложной, временами мучительной необходимости искоренить в себе все человеческие несовершенства, стать той, кем её должны видеть, достойной преемницей прежних правителей.

К двенадцати годам всё, что казалось ей сложным, перестало быть таковым. Больше не нужно было бороться с собой и то и дело напоминать себе о долге. Он стал единственным, что имело значение в её жизни. Ничто другое не осталось даже ненужной помехой, способной отвлечь от главно-

го – ничего другого для неё просто не существовало.

В пятнадцать она обнаружила на своей руке проклятую метку, указывающую в ней обладательницу силы. За несколько дней пересекающие ладонь линии вдруг изменились, образовав пугающий каждого жителя империи узор. Только полученное воспитание, которое не позволяло наследнице не то что проявлять – даже испытывать какие-либо чувства, спасло её от немедленного проявления дара.

И всё же долго скрывать его не получилось. Пробудившаяся сила желала признания и, чуя неприятие хозяйки, тем сильнее стремилась проявиться. Пожалуй, благодаря неизменной сдержанности, которая давно стала неотделимой частью её натуры, у Кэррайны даже без обучения хватило бы выдержки, чтобы не выпустить дар наружу, но оградить от него и себя саму она не смогла.

Не находя выхода, неприручённая сила раз за разом обрушивалась на свою владелицу. Кэррайна научилась терпеть боль молча, ничем не выдавая терзающих её ощущений. Но утаить потери сознания было невозможно.

Первой заметила неладное её служанка. Сначала девушка искренне переживала за свою госпожу, но вскоре, в очередной раз пытаясь привести её в чувства, увидела страшную метку.

Кэррайна даже не успела окончательно опомниться, как та убежала из её комнат. Наследница уже знала, что будет дальше. Несмотря на попытки сохранить происходящее с ней в

тайне, вряд ли она хоть на минуту всерьёз сомневалась, что всё закончится именно так. И всё же, когда окружающую её тишину разрушил строгий голос императора, она вздрогнула, будто провинившийся ребёнок.

– Я разочарован, Кэррайна.

Она молча склонила голову, признавая вину. Она оказалась недостойной своего рода. Не смогла оправдать ожиданий, не справилась с предназначением.

– Столько времени было потрачено на тебя впустую, – вторя её мыслям, продолжал отец. – А теперь предстоит готовить нового наследника.

– Мне жаль...

– Мало того, что ты оказалась гадким отродьем, ты к тому же пыталась это скрыть ради спасения своей ничтожной жизни.

– Нет! – Кэррайна подняла глаза, изумлённая тем, как подобная мысль могла прийти отцу в голову. – Я бы никогда не стала беспокоиться о себе, забывая об интересах империи. Я готова принять любую судьбу. Но я полагала, что смогу справиться... смогу исполнить свой долг. Если бы никто не узнал о моём проклятье, оно бы не помешало.

– Этой безрассудной неосторожностью ты опорочила не только себя, но и имя всего нашего рода, – сухо заметил император. – Твоим долгом было признаться, едва ты поняла, кто ты есть, и принять заслуженную участь.

– Прости, отец.

– Я надеюсь, в дальнейшем ты поведёшь себя достойно и не станешь противиться неизбежному.

– Я не боюсь умереть.

– У тебя будет два дня, чтобы подготовиться к путешествию в бездну. После тебе позволят принять яд, если ты решишь умереть с честью.

– Благодарю, отец.

– Очень жаль, что так вышло, Кэррайна, – смягчаясь, произнёс император. – Из тебя бы получилась хорошая правительница.

Кэррайна молча поклонилась, опасаясь, что если заговорит, то не сумеет скрыть дрожь в голосе – впервые в жизни она услышала от отца что-то похожее на похвалу.

Когда на следующий вечер дверь в её покои приоткрылась, бывшая наследница подумала, что отведённое ей время решили сократить. Однако вместо стражников вошла императрица.

– Мама...

Принять жалость и страх, ясно читавшиеся на лице матери, оказалось куда сложнее, чем холодное недовольство отца.

– Я ненадолго, – императрица так и осталась стоять у двери, то ли не решаясь, то ли не желая приблизиться к дочери. – Кэррайна, я пришла передать, что для тебя возможен другой выход. Император дал согласие, так что теперь решение за тобой. Делай, как знаешь.

– Подожди, – Кэррайна невольно шагнула вслед матери, уже повернувшейся, чтобы уйти. – Я не поняла...

– Будь умной, Кэррайна! – с нажимом произнесла императрица вместо того, чтобы что-то пояснить. – Прощай.

Бывшая наследница услышала, как она остановилась за дверью и предложила кому-то войти. Через несколько мгновений на её пороге показался новый гость. Кэррайна не смогла скрыть недоумения при виде вошедшего – он явно не был арвизонцем. На короткий миг её кольнул испуг – она теперь стала позором своего рода, и никто из чужеземных послов или их сопровождающих не должен был её видеть. Но тут же Кэррайна вспомнила, что незнакомца впустила её мать, а значит, император зачем-то позволил эту встречу.

– Ваше высочество, – гость почтительно поклонился. – Госпожа.

Кэррайна невольно потёрла меченое запястье, уловив в последнем обращении намёк на то, что незнакомцу уже известно о её несчастье.

– Ваша милость, – с вежливым равнодушием отозвалась она, склоняясь в ответ. – Чем могу служить?

Гость замялся, явно не зная, с чего начать разговор. Наконец, так и не подобрав достаточно безобидных фраз, он выпалил с присущей обитателям южных гор прямоотой:

– Я знаю, что вы – обладательница дара, и вас намереваются убить на днях.

– Смею надеяться, что вы не станете распространять даль-

ше подобное известие, – в усвоенной с детства светской манере ответила Кэррайна.

Забыв о придворном этикете, гость посмотрел на неё с уже не скрываемым изумлением.

– Вы так спокойно к этому относитесь?!

– Я сожалею, что подвела свой род и свою страну, но, увы, ничего не могу исправить, – холодно отчеканила Кэррайна, недоумевая, почему она должна объяснять пришедшему то, что его совсем не касается, но не решаясь в свою очередь нарушить этикет.

Незнакомец тяжело перевёл дух, с заметным трудом удерживая себя от того, чтобы не сказать лишнего.

– У меня к вам есть предложение, уже одобренное императором, вашим отцом, – наконец произнёс он, стараясь подстроиться под учтиво-безразличный тон бывшей наследницы. – Вы согласитесь стать моей женой и подданной Гроэн-вура?

Теперь замолчала Кэррайна, ошеломлённая неожиданным вопросом. Конечно, она сразу поняла, что означает для неё это предложение, однако возможность сохранить жизнь не произвела на неё ожидаемого впечатления.

Если бы император не знал об этой встрече, если бы не последние загадочные слова матери, она без малейших раздумий ответила бы отказом. Она хорошо знала, как должна поступить, чтобы не уронить себя и свой род в глазах народа больше, чем это уже произошло. Но переданное импера-

трицей позволение самой сделать выбор смущало, пробуждая сомнения.

Сейчас Кэррайна не могла понять, чего от неё ждут, что выбрать, чтобы не стать источником разочарования в очередной раз.

– Для чего это нужно вам? – поинтересовалась она, надеясь, что ответ гостя прояснит хоть что-то.

Кэррайна не сомневалась, что пришедший руководствуется не пустой жалостью – по крайней мере, не только ей. Если в первые минуты в его лице читалось неприкрытое сочувствие, то теперь он, обескураженный её непонятным для южанина отношением к собственному дару и близкой казни, смотрел на неё с лёгкой настороженностью и неосознанным превосходством.

Кэррайна хорошо знала подобные взгляды и за те годы, что готовилась стать правительницей, научилась встречать их без возмущения и недовольства. Гроэнвурцы и представители других, более мелких южных государств всегда считали жителей Арвизонской империи жестокими и не слишком умными дикарями, осуждая их отношение к илкавам, беспощадные законы и суровые взгляды на жизнь. Те, в свою очередь, презирали южан за беззаботность и вольность манер, мягкость законов и отсутствие единой правящей руки.

– Вам наверняка известно, госпожа, что в Гроэнвуре человеку непросто получить серьёзную должность при дворе. Сейчас я – младший помощник посла, и вряд ли могу наде-

яться на что-то большее.

– Но вы не хотите провести всю жизнь в разъездах, вдали от родного края, – с лёгкой полуулыбкой продолжила Кэррайна.

Для неё не было секретом, что назначение послом в северные земли гроэнвурцы считали равным ссылке и никогда не радовались этой должности.

– Да, госпожа. И, хоть мне самому не стать илкавом, я могу добиться большей значимости при дворе, введя в семью обладательницу дара. Мой род достаточно стар и влиятелен, чтобы я мог рассчитывать на неплохое место при выполнении этого условия.

– Я правильно понимаю, что для этого ваша супруга должна будет дать клятву верности вашей стране и вашему правителю, и не отказывать в помощи, если нужно будет воспользоваться её способностями?

– Да.

– И вы предлагаете эту роль мне?

– Да, – снова повторил гость.

– Насколько мне известно, на вашей родине принято много значения придавать чувствам. Почему вы не хотите жениться на ком-то, кто будет вам нравиться? Я слышала, браки между людьми и илкавами в Гроэнвуре не редкость, может быть, вам удалось бы подобрать более подходящую пару.

– Хотите сказать, что я вас недостоин? – гость широко улыбнулся, нисколько не задетый её реакцией. – Я это знаю,

но думал, что любая судьба предпочтительней смерти. Тем более я не предлагаю вам ничего страшного, и мы наверняка могли бы поладить. В любом случае, никому не стало хуже от того, что я озвучил своё предложение, а вы вольны от него отказаться.

– Я только хотела знать, почему вы пренебрегаете принятыми у вас обычаями, – проговорила Кэррайна, несколько обескураженная такой прямоотой.

– Я уже любил однажды. Не думаю, что это случится снова, – серьёзно ответил мужчина. – А никто из жительниц Гроэнвура не согласится стать женой человека, которому нужен лишь наследник и место при дворе.

– Что ж... Я поняла. Надеюсь, вам не придётся пожалеть о своём выборе.

Они покинули империю уже на следующий день. Перед отъездом Кэррайна больше не увидела ни отца, ни мать, и так и не сумела понять, оказалось ли её решение правильным.

Гроэнвур встретил её ослепительным солнцем, зноем и бушующей повсюду, куда только падал взгляд, зеленью. Всё это было непривычным, чуждым и только подпитывало тягостное ощущение собственной ненужности и покинутости. Кэррайна держалась с неизменной невозмутимостью, ничем не показывая, что беспрестанный смех, шутки и беззаботная болтовня окружающих приводят её в смятение и пробуждают непонятную ей самой тревогу.

Вэйландин, её будущий муж, старался быть предупреди-

тельным, однако Кэррайну непривычное внимание лишь тяготило. Она с невольным облегчением думала о том, что, прежде чем войти в высшее общество Гроэнвура, ей придётся несколько лет провести в запрятанной высоко в горах школе.

Будущий супруг привёз её именно туда. Кэррайна надеялась, что наконец избавится от ненужной заботы и сможет в относительном покое привыкать к новой жизни, однако её ждало разочарование. Прежде чем уехать, забыв о ней на ближайшие годы, Вэйландин решил побеспокоиться о том, чтобы ей не грозило одиночество.

– Позволь тебе представить, – произнёс он перед прощанием, по обыкновению тепло ей улыбаясь. – Валфрик, мой давний друг и друг семьи. Он поможет тебе здесь освоиться.

Кэррайна вежливо поклонилась и вздрогнула от неожиданности, когда новый знакомый бесцеремонно ухватил её за руку. Она ещё не привыкла к гроэнвурским приветствиям, которые вместо чинных поклонов предполагали обмен рукопожатием или даже объятия, если повстречавшиеся были близко знакомы.

Скоро она без всякой радости убедилась, что новый знакомый всерьёз намерен выполнять данное другу обещание. Нет, его опека вовсе не была навязчивой, однако для Кэррайны и этого оказалось много. Она не умела отвечать на бескорыстную, ничего не требующую взамен заботу, напрасно старалась угадать, что нужно делать, чтобы не выглядеть

неуместно, и от попыток её развлечь только всё больше чувствовала себя несчастной.

К счастью, скоро Валфрик начал это понимать. Он больше не пытался пробудить в ней интерес к новому окружению и вовлечь в чуждый для неё образ жизни. Однако всё равно не утратил стремления хоть чем-то ей помочь.

Обучение давалось Кэррайне на удивление легко. То, на что многие тратили весь первый год, она освоила всего за месяц. Вместо одобрения её наставник, старый лигдар, проработавший в школе уже почти пятьдесят лет, лишь тяжело вздыхал, иногда не выдерживая и начиная вполголоса бормотать что-то нелицеприятное о варварском воспитании, превращающем детей в бесчувственных пустых истуканов. Кэррайна догадывалась, что он её жалеет, но почему, понять не могла.

Пожалуй, она могла бы раньше положенного срока перейти на вторую ступень обучения, если бы не один случай, показавший, что и её неизменное самообладание может быть нарушено, и тогда она справляется с собой ничуть не лучше многих других.

Новости в школу доходили нечасто. Если наставникам ещё присылали известия о принятых государственных решениях и громких столичных событиях, то ученики узнавали

о том, что происходит вне замковых стен, только из писем родных и друзей.

Кэррайна писем не получала. Будущий муж, который за короткое время знакомства не успел стать ей даже другом, был уверен, что устроил её хорошо и ближайшие годы может ни о чём не беспокоиться, а писать о чём-то без необходимости ему и в голову не приходило.

Когда до него донеслось известие, которое прямо касалось его невесты, Вэйландин не решился сообщить ей об этом лично. Нет, сначала он, понимая, что неожиданная новость окажется для Кэррайны серьёзным ударом, даже намеревался навестить её и попытаться хоть как-то поддержать. Однако потом вспомнил, что человеку лучше не оказываться рядом с ещё не до конца обученным илкавом, когда того одолевают чувства, и после недолгих колебаний решил переложить неприятную обязанность на друга.

Первым порывом получившего послание Валфрика было передать письмо наставнику Кэррайны, чтобы тот сам позаботился о том, как лучше преподнести весть своей ученице. Но тут же показалось, что это чем-то похоже на предательство, которого, по его мнению, в жизни бывшей наследницы и без того было немало.

Напрасно промаявшись несколько дней, Валфрик всё же заговорил о тягостном известии сам. Они сидели у внешней стены замка, глядя на убегающую вниз тропу и едва различимое вдалеке побережье. Кэррайна предпочитала проводить

свободное время именно здесь – уходить далеко от школы ученикам запрещалось, в окрестностях же не было ничего интересного, поэтому за ворота редко кто-нибудь выходил, и место оказалось уединённым.

– Кэр...

Кэррайна молча повернула голову к собеседнику, выражая готовность слушать. Она уже привыкла к слишком вольному на её взгляд обращению, которое недавний знакомый сразу счёл самым подходящим и упрямо не собирался от него отказываться, и на этот раз даже не стала его поправлять.

– Ты должна кое-что знать.

Она едва заметно нахмурилась, по тону собеседника уже понимая, что новость будет не из приятных.

– В Арвизонской империи объявлен траур по случаю смерти наследницы престола, – разом выпалил Валфрик, не зная, как можно смягчить подобные слова.

Выражение её лица не изменилось, только черты вдруг закаменели, выдавая, что Кэррайне стоило значительных усилий сохранить прежний вид.

– Как... И как же умерла наследница? – ровно осведомилась она.

– Выбросилась из окна смотровой башни, – поморщившись, всё же ответил Валфрик.

– Не самая достойная смерть, – неестественно спокойно, словно речь шла о чём-то совсем незначительном и уж точно

не имеющем к ней никакого отношения, проговорила Кэррайна. – Но зато никто не усомнится – от лица наверняка ничего не осталось...

– Кэр! – предостерегающе воскликнул Валфрик, глядя куда-то за её спину.

Кэррайна оглянулась и быстро встала, отпрянув от стены, к которой только что прислонялась. По гладким серым камням разбегались широкие трещины, местами куски массивных плит откалывались и осыпались на землю, превращаясь по пути в горстку пыли.

– Отойди от меня, – напряжённо выдавила она, пытаясь по обыкновению загнать ненужные эмоции на самое дно души и подавить опасный всплеск сил.

Но сейчас чувств было слишком много – незнакомых, непонятных ей и от этого ещё более неконтролируемых. Столкнувшись с сопротивлением мощь перестала вырываться наружу, но иссякнуть так просто уже не могла. Кэррайна задохнулась от охватившей её разрывающей боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.